

А. БИОГРАФИЯ И ТРУДЫ

1. Диоген Лаэртий, VII, 1–2 [=] 453. Зенон родился в Китии¹, городке на Кипре. Отцом его б-ыл Мнасей или Демей. В «Жизнеописаниях» Тимофея Афинского² упоминается, что шея у Зенона была кривая. Аполлоний Тирский³ описывает его как смуглого, худощавого человека высокого роста, и, по словам Хрисишпа (первая книга «Пословиц»), за такую внешность Зенон получил прозвище «Египетская хворостинка». Также Аполлоний писал, что он был щуплым и маломощным, по этой причине, как отмечал в «Застольных записках» Персей, философ, как правило, отклонял приглашения на обед. По словам современников, Зенон любил зеленый инжир и солнечные ванны. 2. Первым учителем будущего философа можно назвать Кратета⁴. Тимократ⁵ в своей «Дионе» упоминает, что Зенон посвятил десять лет обучению у Стильпона и столько же времени слушал Ксенократа, а также занимался у Полемона⁶. В первой книге Гекатона⁷ и Аполлония Тирского «О Зеноне» говорится, что, когда тот обратился к оракулу с вопросом, как ему стоит жить, ответ был: «Бери пример с умерших». Смысл послания Зенон разгадал и начал изучать труды древних. Его знакомство с Кратетом произошло при следующих обстоятельствах. По пути в Пирей его корабль, везший пурпур из Финикии, разбился. Добравшись до Афин, тридцатилетний Зенон забрел в книжную лавку и наткнулся на «Воспоминания» Ксенофонта. Зачитавшись, он поинтересовался у лавочника, как найти людей, подобных автору.

¹ «Китий имеет закрытую гавань. Отсюда родом Зенон, основатель стоической школы...» (Страбон. География, XIV, 6, 3, пер. Г. А. Стратановского).

² Время жизни неизвестно. На его информацию опирается Диоген Лаэртий.

³ См. фрз. 37 прим.

⁴ Кратет Фиванский, видный философ-киник.

⁵ Последователь Эпикура, позднее отошедший от учения наставника.

⁶ Эти данные (ср. VII, 4) требуют существенной корректировки. На сегодняшний день датировка Персея, признана максимально правдоподобной, и если придерживаться ее, то Зенон не мог учиться у Ксенократа, поскольку тот умер самое позднее в 514–513 г. до н.э., а Зенон мог оказаться в Афи-

нах не ранее 312 г.¹ (по Персею). Вероятно, десять лет он параллельно занимался и у Сильпона, и у Полемона, преемника Ксенократа. Хотя сомнения вызывают даже занятия с Полемоном (Hahn D. E. *The Origins of Stoic Cosmology*. Ohio Un. Press, 1977. Appendix I. Influences on Stoicism according to the doxographical tradition, p. 222, note 14). Кроме того, Зенона привлекала диалектика, которую он изучал у известного логика из Мегары — Диодора Крона (фрг. 4–5), Правда, недолго, поскольку тот скончался ок. 307 г.

⁷ Гекатон Родосский, последователь Панэтия, видный представитель Средней Стои. Информация, может быть, почерпнута из его «Полезных изречений» (ср. фрг. 613).

2. Диоген Лаэртий, VII, 3–5. В этот момент мимо шел Кратет; владелец лавки, кивнул в его сторону и посоветовал отправиться следом. Так Зенон начал слушать Кратета. Философия влекла его, однако киническое учение изрядно смущало Зенона. Видя это, Кратет как-то велел ему пройти через Керамик¹ с горшком похлебки. Заметив, что Зенон в стыдливой неловкости старается пробраться со своей ношей незаметно, Кратет ударил посохом по горшку. Содержимое залило ноги смущенного ученика, и тот кинулся прочь. Кратет обратился к нему: «Куда же ты, финикийчик? Ничего страшного ведь не произошло!» 4. Во время обучения у Кратета Зенон написал «Государство». Тогда об этом его труде говорили, что написан он на собачьем хвосте². Перу Зенона также принадлежат [следует текст фрг. 41] {...} 5. Гуляя по Расписному портику³, Зенон делился своими размышлениями. {...} Желая приобщиться к его мудрости, люди старались встретить философа на этих прогулках в Портике. Отсюда и родилось прозвище «стойки»; до этого последователей его учения называли «зеноновцами» (...) До этого «стойками» величали поэтов, устраивавших встречи в Расписном Портике (...)

¹ Такое название носили и площадь у Акрополя, и поле для погребений за Афинами.

² Основано на игре слов: Κυνόσουρα («собачий хвост») — аттический мыс (мыс с таким же названием есть на Саламине), название которого отсылает к киническим взглядам Зенона.

³ Расписной, или Пестрый, портик (Стоя) (ἡ Ποικίλη Στοά) расписан Полигнотом (цикл троянских картин), Миконом (война с амазонками) и Панэнием (Марафонская битва, совместно с Миконом) (подробное описание: Павса-

¹ Все даты до н.э.

ний, 115, 1 сл.). В этой галерее велись занятия школы, потому и возникло название «философы „из Стои“, или „стоики“» (οἱ ἀπὸ Στοῦς, Στοῖκοι).

3. Диоген Лаэртий, VII, 6–9; 12–13 [=] 439. В Афинах Зенон добился такого признания, что получил из рук жителей ключи от города, венок из золота, а также в честь него отлили медную статую. Таким же образом выразили свое уважение к философу граждане Кития, почитавшие его статую главной достопримечательностью города. Земляки Зенона, поселившиеся в Сидоне, также гордились своим соотечественником. Даже царь Антигон¹ выказывал уважение философу: посещая Афины, он отправлялся послушать мудреца и просил поехать с ним. Не поддавшийся на уговоры Зенон отправил к царю Персея, сына Деметрия, из Кития. Персей был близким последователем Зенона, достигшим зрелости во времена 130-й Олимпиады, когда его наставник уже достиг преклонных лет. В сочинении о Зеноне² Аполлоний Тирский ссылается на письмо Антигона. [7. «Царь Антигон выражает уважение философу Зенону. Полагаю, славой и успехами я превосхожу тебя, однако уступаю в уме и воспитании, и то полноценное счастье, коим ты обладаешь, недоступно мне. По этой причине я решил призвать тебя к себе, в надежде, что не получу отказа. Если ты согласишься, то станешь вразумлять не только меня, но и весь народ мой. Наставляющий македонского правителя и указывающий ему достойные пути и всех граждан страны его направит к добродетели. Поскольку подданные всегда равняются на царя». Философ написал следующий ответ:

8. «Царю Антигону Зенон выражает почтение. Твое стремление к знанию бесценно для меня, ибо ты ступаешь по путям истины и добродетели, а не стремишься к низменному и пагубному для нравов. Ищущие мудрости в философии, отказывающиеся от заманчивых наслаждений, разьедающих души молодых людей, полны не только врожденной, но и осознанной тяги к благородству. Тренируя данное от рождения величие души, укрепляя его беспристрастным поучением, можно достигнуть истинной до-

бродетели. 9. Но те восемьдесят лет, что я живу на свете, забрали силу и крепость тела моего; посему пребывать при тебе не имею возможности, однако отправляю к тебе нескольких близких мне товарищей: нравственной силой они не уступают мне, телесной же значительно превосходят; обратись к ним, и попадешь в число достигающих абсолютного счастья».] Кроме Персея, Зенон отправил и Филонида Фиванца. Этих двоих Эпикур в письме к брату Аристобулу упоминает как приближенных Антигона [следует текст фрг. 7–8]. 12. Зенон всю жизнь гордился тем, что он уроженец Кития, пишет Антигон Каристский³. Доказательством того служит история, когда он, пожертвовав средства на ремонт бани, увидел, что на столбе указано: «Зенон, философ», и попросил вписать рядом «из Кития». Крышка лекифа, который Зенон носил с собой, имела внутри отверстие, где всегда лежали деньги, чтобы наставник Кратет ни в чем не нуждался. 13. Утверждали даже, что прибывший в Элладу Зенон предоставлял ссуды владельцам кораблей, поскольку привез с собой не менее тысячи талантов. Трапезы его состояли из хлеба, меда и ароматного вина, которое требовалось совсем немного. К мальчикам Зенон навещался изредка, женщин посетил от силы пару раз и только для того, чтобы не прослыть женоненавистником. Философ делил кров с Персеем. Однажды тот привел к наставнику флейтистку, которая тут же была отправлена к самому Персею {...}

¹ Антигон Гонат, царь Македонии (см. прим. к фрг. 36а).

² Подлинность переписки царя Антигона и Зенона не подтверждена, Арним не приводит ее (см. также прим. к фрг. 36а).

³ Ученый, грамматик III в. до н.э., создатель «Жизнеописаний философов».

4. Диоген Лаэртий, VII, 14–16 [=] 589. Зенон уклонялся от многолюдных собраний, присаживаясь на скамью, занимал место с краю, тогда хотя бы с одной стороны он был свободен от чьего бы то ни было соседства. Отправляясь прогуляться, Зенон брал с собой не больше двух-трех спутников. Клеанф в своем труде «О деньгах» пишет, что иногда философ брал с окружающих

медяки, чтобы они оставили его в покое хотя бы из жадности (...) 15. [следует текст фрг. 22] 16. Зенону нравилось проводить время в беседах с Филоном¹, диалектиком, его старшим соучеником; которым тот восхищался, как и их учителем Диодором [следует текст фрг. 21].

¹ Филон — логик, представитель Мегарской школы, заметно повлиявший, как и Диодор Крон (см. прим. 6 к фрг. 1), на развитие стоической логики.

5. Диоген Лаэртий, VII, 25–27 [=] 285; 325; 329. По словам Гиппобота¹, Зенон прилежно изучал диалектику у Диодора, добившись на этой стезе немалых успехов. Утверждают, что Полемон, к которому затем из скромности он отправился учиться, сказал Зенону: «Вижу, ты пробрался с черного хода, чтобы похитить наше учение и нарядить его на финикийский лад» [следует текст фрг. 279]. Бытует мнение, что именно он определил «надлежащее», а затем написал о нем книгу. Поэтические строки Гесиода он переделал следующим образом [следует текст фрг. 235]. 26. Однажды Зенону задали вопрос, отчего он так строг, а выпив, смягчается. Ответ звучал так: «Волчьи бобы на вкус тоже горькие, а если размочить, обретают сладость». Вторая книга «Полезных изречений» Гекатона подтверждает, что во время дружеских застолий Зенон отчасти терял свою суровость. Философ утверждал, что нетвердость в ногах лучше, чем в словах. Добро рождается из малости, однако само оно — не малость. 27. Зенон отличался стойкостью и неприязательностью: пищу употреблял сырую, одежду носил легкую, неслучайно о нем говорится:

*«Ни суровая стужа, ни беспрестанные ливней потоки
Не укрощают его, ни жара, ни атаки недугов,
Ни шумные празднества духа его не тревожат:
При свете солнца иль звезд он стремится дорогой
знаний».*

¹ Историк III–II в. до н.э.

6. Диоген Лаэртий, VII, 27. Поэты-комики, сами того не осознавая, в попытках высмеять Зенона лишь восхваляют его. Для примера можно привести упреки Филемона¹ из его «Философов»:

*Вода, сухарь да смоква пересохшая — знакомьтесь
философия его;
И наставляют голодом лечить ученики его...*

Правда, авторство этих строк порой отдают Посидишпу². Хотя тогда Зенон уже стал притчей во языцех, с его именем уже ходила поговорка:

Воздержаннее, чем сам Зенон-философ.

Посидишп, кстати, тоже упомянул его в «Перевозимых»:

*Воздержанность его все десять дней превосходила
самого Зенона.*

28. В самом деле, никто не мог сравниться с ним в воздержанности, величии, и Зевс не даст солгать, в счастье [следует текст фр. 36 и 288]. 29. Подтверждая добродетель Зенона, афиняне похоронили его на Керамике. 30. Мнасей, отец Зенона, регулярно навещался в Афины по делам, связанным с торговлей, и снабжал сына (в те времена еще мальчика) сократическими книгами, об этом повествует в «Соименниках» Деметрий Магнесийский³. Эти сочинения питали мысли Зенона еще в Китии, именно поэтому, оказавшись в Афинах, он последовал за Кратетом. Существует мнение, что именно он выбрал четкую цель тогда, когда остальные сомневались. Говорят, Зенон клялся каперсом, беря пример с Сократа, выбравшего для этой цели собаку.

¹ Поэт, комедиограф (ум. ок. 264 г. до н.э.).

² Поэт, орфик (III в. до н.э.).

³ Ученый I в., написавший трактат «Об одноименных писателях».

7–8. Диоген Лаэртий, VII, 10–12. Думаю, заслуживает внимания афинское постановление о Зеноне, отрывок которого приведу здесь:

«На общем собрании в правление Арренида1, в пятую пританию филы Акамантиды, в 21-й день мемактериона2 и в 23-й день пританиуз, сын Кратистотелея, Гиппон из Ксипетея, совместно с председателями высказал идею, а прочел постановление Фрасон, сын Фрасона из Анакеи:

Зенон Китийский, сын Мнасея, долгие годы занимался в Афинах философией, явил себя достойным гражданином и благородным человеком, наставлял юношей, внимавших ему, на пути добродетели и мудрости, призывал их ко всему самому достойному и сам являл пример жизни почтенной. Поэтому жители Афин постановили воздать почести Зенону Китийскому, сыну Мнасея, возложив на его чело золотой венок, как велит закон, за праведность и мудрость, установив гробницу сему достойному гражданину на Керамике за счет города. Следить за изготовлением венка и строительством гробницы будут пять афинян, избранных на общем собрании. Государственному писцу надлежит занести постановление на два каменных столба. Первый должен быть установлен в Академиц4, второй — в Лукее; деньги на них отмерит государственный казначей, чтобы каждому было известно: народ Афин воздает почести достойным как во дни их жизни, так и после кончины. Создание гробницы возложено на: Микифа из Сипалета, Федра из Анафлиста, Фрасона из Анакеи, Диона из Пеании, Медонта из Ахарн и Филокла из Пирея».

¹ См. фрг. зба.

² В аттическом календаре это соответствовало периоду с середины ноября до середины декабря.

³ Притания являлась частью Совета пятисот (включавшего 50 представителей 10 аттических фил), составляла десятую часть Совета и вела городские дела десятую часть года.

⁴ Ср. фрг. 36b.

9. Фемистий. Речи, 23, II, р. 91, Schenkl-Downey. Широко известно и многими подтверждено, из Финикии в Пестрый порт Зенон попал благодаря «Апологии Сократа».

10. Страбон. География, XIII, 1, 67. Академик Аркесилай, уроженец Патаны¹, слушал Полемона в то же время, что и Зенон.

¹ Город на полуострове Троада.

11. Нумений, фрг. 25, р. 65–66 des Places (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XIV, 5, 11)1. Учениками Полемона были Аркесилай и Зенон... Выше я уже говорил, что Зенон сперва слушал Ксенократа, затем к Полемона, после чего вернулся к кинизму у Кратета. Прими во внимание и то, что учился он и у Сильпона, и хорошо был знаком с идеями Гераклита. Стоило Аркесилаю и Зенону вступить в полемику на занятиях Полемона, как Зенон использовал и мысли Гераклита, и речения Сильпона, и идеи Кратета. Что интересно, Сильпон подарил ему качества бойца, Гераклит наделил непреклонностью, а Кратет сделал киником.

¹ Фрг. 11–12 (как и 56) — из сочинения Нумения «О расхождении академиков с Платоном» (Περὶ τῆς τῶν Ἀκαδημαϊκῶν πρὸς Πλάτωνα διαστάσεως).

12. Нумений, фрг. 25, р. 69–70 des Places (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XIV, 6, 9 сл.). Когда разногласия между ними стало невозможно скрывать, Аркесилай ругал Зенона в открытую, то же держался важно и неприступно, хотя действовал подобно Кефисодору-ритору¹... 10. Разойдясь во мнениях с Аркесилаем, Зенон не высказывался против Платона и философствовал, по-моему, весьма благородно, поскольку сохранял внутреннее спокойствие. Однако, когда приходилось выступать против Платона, возможно, ведая, что думает Аркесилай, но, безусловно, не ведая мыслей Платона (это понятно из книг,

написанных его оппонентами²), Зенон не добивался желаемого, поскольку критиковал того, кого не знал, и обличал того, кого порицать не стоило. Делал он это некрасиво и недостойно, превосходя в бесстыдстве даже киников. 11. Подобные нападки обнаружили, что причина их ссоры с Аркесилаем — гордыня Зенона. Поскольку или по неведению взглядов Аркесилая, или из страха стойков «огромной пасти погибельной брани» (Илиада, X, 8) он и пошел против Платона... 12. Аркесилай видел в Зеноне более удачливого оппонента, и потому все время искал слабые места в рассуждениях соперника рассуждения и не гнушался никаких методов... [следует текст фрг. 56] 13. Зенон, будучи ниже по положению, осознавал собственную защищенность и не вступал в полемику. Он принял решение покинуть Аркесилая и, несмотря на то, что ему было, что ответить оппоненту, набросился на тень уже покинувшего этот мир Платона, неся смятение в ряды его последователей. Платону, утверждал он, уже не по силам встать на свою защиту, и никто не выступит за него; а если, полагал он, за него заступится Аркесилай, то отдалиться от него сейчас самое время.

¹ По словам Нумения, ритор Кефисодор осуждал Аристотеля, неверно полагая, что его философия идентична философии Платона.

² См. фрг. 42, прим. 1.

13. Цицерон. Вторая Академика, 34. Зенон и Аркесилай прилежно учились у Полемона. Аркесилай был моложе Зенона, а последний отличался искусностью в рассуждениях и острым умом, что подталкивало его к попыткам преобразить учение.

Ср. О пределах добра и зла, *IV*, 3.

14 = 467. Квинтилиан. Наставление оратору, XII, 7, 9 [=] SVF, II, 4. И Сократ принимал деньги на пропитание, и Зенон, Клеанф и Хрисипп не отказывались от платы учеников.

15. Сенека. Утешение к Гельвии, 12, 4. Общеизвестно, что раб был у Гомера, у Платона — целых трое, Зенон же, положивший начало суровой и непоколебимой стоической мудрости, не имел ни одного.

16. Сенека. О благодеяниях, IV, 39, 1. Отчего же ваш Зенон, посулив некому человеку пять сотен денариев, хотя и знал, что тот вряд ли вернет, все же, наперекор советам друзей, сделал по-своему, ибо дал слово?

17. Фемистий. Речи, 21, II, р. 31. Sch.-D. Когда еще спросишь с заемщика, как это произошло с Зеноном Китийским?

18. Сопатр¹ у Афиня, IV, 160E (фрг. 6, Kaibel).

*Наслушавшись столь стройных ваших мыслей,
И игр словесных, к стойкости зовущих, Я испытание
догматам вашим дам,
Раздую пламя и если увижу, что не по нраву жариться
кому-то, ногами бьющему, того пожалую ученикам
Зенона,
Чтобы забрали, раз нету разума.*

¹ Автор шуточных драм IV–III вв. до н.э.

19. Элиан. Пестрые рассказы, IX, 33. Юноша из Эретрии посещал Зенона столь долго, что успел за эти годы возмужать. Вернувшегося на родину сына отец принялся расспрашивать, в чем же мудрость, которой он посвятил столько лет. Тот обещал показать, и вскоре ему представилась такая возможность. Как-то рассерженный родитель побил его. Сын, терпя побои, оставался невозмутимым, после чего сказал, что вот постигнутая им мудрость: выносить отеческое недовольство без досады.

20. Диоген Лаэртский, VII, 22. Однажды к Зенону стал ходить видный родосец, не наделенный ничем? кроме красоты и денег. Зенон, желая отделаться от него, для начала усадил нарядного родосца на грязную скамью, где тот испачкал свой наряд, после чего привел к нищим, чтобы их рубища касались юноши. Больше родосец не появлялся.

21. Диоген Лаэртий, VII, 16. Тимон¹ подтверждает, что в окружении Зенона хватало босяков:

*Большую толпу собрал мужиков, ужасно ободренных
и неприглядных, Самые бедные и недалекие между
сограждан.*

¹ Тимон Флиунтский, поэт, современник Зенона, (жизнеописание — *Диоген Лаэртий*, IX, 109 сл.).

22. Диоген Лаэртий, VII, 15. Зенон старался все постичь и без труда рассуждал обо всем. Неслучайно Тимон в «Силлах» описывает его так:

*Встретил я финикиянку дряхлую в темной гордыне:
Мало ей было всего; только корзина ее нынче с дырою,
Так ведь старуха и раньше умом уступала трещотке.*

23. Афиней, XIII, 603D. Кифаред Аристокл, по словам Антигона Каристского, составившего жизнеописание Зенона, был возлюбленным царя Антигона. Правитель любил посещать Зенона после пышных застолий. Однажды, возвращаясь с пира, он вошел к философу и начал уговаривать того отправиться с ним в дом кифареда Аристокла, в которого Антигон был влюблен как мальчишка.

24. Геркуланейский список стоиков, col. IX, Traversa. <...> Его, словно подобного себе, он томно ревновал, восхищаясь и воспевая ему хвалы без меры¹.

¹ Арним считает (SVF, I, p. 10; также Traversa. Index Stoicorum Herculanensis, p. 17), что тут говорится об отношении царя Антигона к Зенону; Феста же утверждает, что (ad loc.) — об отношении Зенона к Персею.

25. Геркуланейский список стоиков, col. VIII, Tr. <...> болтавших юношей и тех, кто толпился у входа. Размышляя, куда бы тебя пристроить, он [Антигон], наконец, решил поставить тебя следить за деньгами: «Полезно, — сказал он, — урезонивать фаль-

шивомонетчиков». Зенон же, бросив взгляд на собравшихся, произнес: «Что такое вы говорите <...>»¹.

¹ Один из приближенных царя забавы ради рассказывает о деле, которое правитель хотел возложить на Зенона. Другие источники эту историю не подтверждают.

26. Плутарх. О противоречиях у стоиков, 4, 1034а. Зенон и Клеанф так и не стали гражданами Афин, поскольку не хотели отказываться от собственной отчизны. Если считать их поступок справедливым, то Хрисипп поступил неверно, став афинским гражданином (но мы сейчас не об этом).

27. Плутарх. О противоречиях у стоиков, 2, 1033 b-e [=] 262. Если учесть краткость Зенона, он написал немало, Клеанф — еще больше, Хрисипп же превзошел их обоих в объеме написанного об устройстве государства, о секретах управления и правилах подчинения, умении вершить правосудие и ораторствовать. Однако ни один из них на деле не занимал военного поста, не писал законы, не заседал в совете, не выступал защитником в суде, не проливал кровь за отчизну, не являлся послом и вносил средства на государственные нужды. На чужбине они будто упивались лотосом праздности¹ и всю жизнь (к слову, отнюдь не короткую) посвятили размышлениям, чтению, неспешным разговорам беседах на свежем воздухе. Совершенно определено, что дни свои они проводили «согласно»² чьим-то книгам и идеям, их собственным — в той беззаботности, что так восхваляет Эпикур {...} И кто же дожил до преклонных лет в идиллической беспечности, если не Хрисипп, Диоген, Антипатр, Клеанф, Зенон? Оставить отчий край их вынудило не страдание, а стремление безмятежно жить, читая лекции и размышляя о речах в Одеоне и на Зостере³.

¹ См. Одиссея, IX, 94 сл.

² Обыгрывается значимый термин стоической этики (см. ниже фрг. 179 сл.).

³ Одеон — театр в Афинах; Зостер — мыс в 25 км к ю.-в. от Афин, известный храмами Афины и Аполлона (Павсаний, I, 31, 1; Страбон, IX, 1, 29).

28. Дион Хрисостом. Речи, 47, 2. Когда-то меня постоянно поражало то, что столько философов добровольно отправлялись жить на чужбину, при этом проповедуя почтение к родине, утверждая, что отчизна превыше всего. Из их слов выходило, что человек от природы наделен способностями вершить дела общественные или государственные. Я говорю о Хрисиппе, Клеанфе, Зеноне, которые покинули родные края, вопреки собственным возвышенным призывам.

Сенека. О безмятежности души, 1, 10 = 588 [=] SVF, III, 695. Твердо и осознанно беру пример с Клеанфа, Зенона и Хрисиппа: они немало внимания уделили делам государственным, пусть даже никто из них сам не принимал участия в подобных занятиях.

29. Эпиктет. Беседы, III, 21, 19. Бог подсказал Сократу взять на себя роль обличителя, Диогену — правителем и критиком, Зенону — ментором и пастырем.

30. Геркуланейский список стойков, col. I, Tr. [Пожелай кто-либо постичь], душевный настрой¹ [Зенона], ему не отыскать более веских доказательств, чем взгляды философа на величие и бесчестность или суждения его о благе и зле.

¹ Διδθεσις. Определение, взятое из стоической физики и этики, почерпнутое у Аристотеля, но переосмысленное; отражает «пневматическую» структуру, приведенную к совершенству и не доступную для дальнейших трансформаций (в отличие от ἐξις — «пневматической» структуры, подвергающейся трансформациям).

31. Геркуланейский список стойков, col. III, Tr. <...> [Один последователь стоицизма написал книгу] об основоположнике его школы и практически весь труд, как уже говорилось, посвятил всевозможным вещам, делясь тем, чем в голову пришло. Например, он утверждает, что Зенон нечасто отправлялся прогуляться из-за физической немощности (об этом упоминает также Персей в своих «Застольных записках») <...>

32. Геркуланейский список стойков, col. VI, Tr. <...> [Зенон] питал слабость к инжиру, любил принимать солнечные

ванны. То, что афиняне похоронили Зенона за счет города, тоже подчеркивает его достоинства.

Ср. Диоген Лаэртий, VII, 11.

32а. Афиней, IX, 370С. Стоит ли удивляться, что кто-то клянется капустой — Зенон Китийский, создавший Стои, брал пример с Сократа, избравшего для этой цели собаку, да и сам (если верить «Памятным запискам» Эмпедэ¹) приносил клятвы на каперсе.

Ср. Диоген Лаэртий, VII, 30.

¹ Не подтвержден иными источниками.

33. Гален. О различии пульсов, III, 1 vol. VIII, p. 642, Kühn. Все зовущие себя «пневматиками»¹ следуют стоическим догмам. Раз уж Хрисипп натренировал их во всеуслышание вести диспуты о философских терминах, они смело ведут себя подобным образом и в медицине. Хотя Зенон Китийский еще до них решился преобразить привычное для эллинов именование.

¹ См. прим. к фрг. 127.

34. Цицерон. О пределах добра и зла, III, 5. Стоики с Зеноном во главе создали больше всего новых терминов. Количество открытых Зеноном новых предметов не сравнится с числом изобретенных им понятий.

Там же, 15. И коль уж Зенон, называя какой-либо еще не знакомый предмет, позволяя себе давать ему небывалое имя, почему это запрещено Катону?

35. Цицерон. Тускуланские беседы, V, 34. Можно подумать, что Зенон Китийский, пришлый и никому не ведомый изобретатель слов, незаконно пробрался в настоящую философию.

36. [Лукиан]. Долгожителю, 19 [=] 288. Основоположник стоицизма скончался в 98 лет. Говорят, на пороге собрания он запнулся с возгласом: «Для чего зовешь меня?» Позднее, возвра-

тившись домой, Зенон отказался от трапезы, и душа его покинула этот мир.

Диоген Лаэртий, VII, 28–29 [=] 6; 458. 98 лет провел он на земле и ушел здоровым и без мучений. Правда, в «Этических чтениях» Персея говорится, что китийский философ приехал в Афины 22 лет¹ от роду, а умер в 72. Аполлоний² утверждает, что Зенон лишь 58 лет руководил школой. Умер он следующим образом [следует текст фрг. 288].

¹ См. фрг. 36а прим.

² См. фрг. 37 прим.

36а. Филодем. Список философов, col. IV. Без малого 101 год прожил Зенон — от правления Клеарха до правления Арренида, при котором и скончался в месяце скирофорионе¹.

¹ Скирофорион — в аттическом календаре был двенадцатым месяцем, захватывая вторую половину июня и первую — июля. Текст Филодема значительно поврежден, и точного его изложения не существует, что добавляет неясности. Так, правление Клеарха выпадает на 301 г. до н.э. За точную дату можно принять лишь год смерти Зенона. Правление Арренида связывают с 262–261 г. Год смерти в целом совпадает с хронологией Клеанфа (см. фрг. 477). Год появления на свет определить намного труднее. Самая авторитетная традиция античности (на которую опирается и Диоген Лаэртий) приписывала Клеанфу и Зенону жизнь практически одинаковой продолжительности (около века). Дело тут, скорее всего, в паре казавшихся неоспоримыми аргументах: 1. письмо Зенона царю Антигону (где философ утверждает, что достиг возраста 80 лет, *Диоген Лаэртий*, VII, 8–9); 2. Общая убежденность в том, что Антигон звал к себе Зенона вскоре после прихода к власти, т.е. около 283 г. Из этих предположений следовал логичный вывод: Зенон родился около 363 г. и прибыл в Афины на рубеже 330–320 гг. (общепринятая версия, изложенная Диогеном Лаэртием — фрг. 1–2).

Однако при тщательном изучении выясняется: 1) переписка Зенона с царем Антигоном (взятая увлеченными авторами, видимо, из хроник Аполлония Тирского), вероятнее всего, представляет собой апологетическую фикцию (в этом убеждена большая часть исследователей со времен Пирсона); 2) в 283 г. Антигон был номинальным правителем, по-настоящему к власти он пришел не раньше 276 г. По этой причине сегодня наиболее вызывающими доверие считаются материалы Персея. Принятая датировка: 334–333–262–261. См. *K. von Fritz*. — P. W. RE 2 Reihe. X (A), 85–88 (здесь же обзор множества статей по датам, касающимся Зенона и Клеанфа).

36б. Павсаний, I, 29, 15. Тут же¹ покоятся Хрисипп из Сол и Зенон, сын Мнасея.

¹ Т. е. в Академии (территория неподалеку от Афин, на которой находилась школа Платона); ср. фрг. 7–8.

37. Страбон. География, XVI, 2, 24. Антипатр был родом из Тира, а незадолго до моего времени там же появился на свет Аполлоний¹, создавший перечень философов школы Зенона и их трудов.

¹ Аполлоний Тирский (середина I в. до н.э.) — уважаемый исследователь истории школы стоиков. На его свидетельства опирался Диоген Лаэртий.

38. Диоген Лаэртий, VII, 36; 38; 177 [=] 435. Самые видные ученики Зенона — Персей, сын Деметрия, из Кития..., Аристон из Хиоса, сын Мильтиада, автор понятия «безразличие»¹; Герилл из Карфагена, провозгласивший знание конечной целью; Дионисий из Гераклеи, перешедший в лагерь наслаждения, ибо до того мучился глазами, что не в силах уже был утверждать, что боль безразлична; Клеанф из Асса, сын Фания, сменивший Зенона в руководстве школой; сам Зенон говорил о нем, что тот подобен дощечкам, покрытым твердым воском: на них тяжело писать, но тексты потом долго сохраняются. 38. Более того, Гипсбот утверждает, что к ученикам Зенона относятся также Филон Александрийский из Фив, Посидоний из Александрии, Зенон из Сидона, Афинодор из Сол, Калипп из Коринфа. 177. Сфер Боспорский после смерти Зенона слушал и Клеанфа {...}

¹ См. фрг. 351 сл.

39. Геркуланейский список стоиков, col. X, 2, Tr. <...> Клеанф, сын Фания из Асса, взявший руководство школой на себя; Дионисий, сын Теофанта, из Гераклеи (по данным Антигона), получивший прозвище «перебежчик»; Аристон Хиосский, сын Мильтиада, называвший конечной целью безразличие, однако во всем остальном бравший пример с учителя <...>

col., XI 2. <...> Зенон Сидонский..., <...> что подтверждает в своем «О «Спрятанном» и Хрисипп <...> Афинодор из Сол... Тем не менее ближе всех Зенону был Персей, с которым он делил кров...

40. Ориген. Против Кельса, III, 54. И вновь мы шлем укор философам, призывавшим к добродетели рабов, что выросли при них, например, Пифагор — Замолксиса¹, Зенон — Персея.

¹ ДК 14, 2 = Геродот, IV, 95.

40а. Плутарх. Клеомен, 2 [=] 622. Сфера... можно смело назвать одним из наиболее одаренных учеников Зенона.

41. Диоген Лаэртий, VII, 4. Кроме [1] «Государства» (Πολιτεία)¹ перу Зенона принадлежат сочинения:

[2] «О жизни согласно природе» (Περὶ τοῦ κατὰ φύσιν βίου),

[3] «О влечении, или О природе человека» (Περὶ ὁρμῆς ἢ Περὶ ἀνθρώπου φύσεως)²,

[4] «О страстях» (Περὶ παθῶν)³,

[5] «О надлежащем» (Περὶ τοῦ καθήκοντος)⁴,

[6] «О законе» (Περὶ νόμου)⁵,

[7] «Об эллинском воспитании» (Περὶ τῆς Ἑλληνικῆς παιδείας)⁶,

[8] «О зрении» (Περὶ ὄψεως)⁷,

[9] «О мироздании» (Περὶ τοῦ ὄλου)⁸,

[10] «О знаках» (Περὶ σημείων)⁹,

[11] «Пифагорейские вопросы» (Πυθαγορικά),

[12] «Общие вопросы» (Καθολικά),

[13] «О словесных выражениях» (Περὶ λέξεων)¹⁰,

[14] «Гомеровские вопросы» в 5 книгах (Προβλημάτων Ὀμηρικῶν ε),

[15] «О чтении поэзии» (Περὶ ποιητικῆς ἀκροάσεως), а кроме того,

[16] «Искусство» (Τέχνη)¹¹,

[17] «Решения» (Λύσεις),

[18] «Опровержения» в 2 книгах (Ἐλεγχοί, β')¹²,

[19] «Этические воспоминания о Кратете» (Ἀλομνημονεύματα Κράτητος ἠθικά)¹³.

[Не попали в перечень:

[20] «Об учении» [«Логика»] (Περὶ λόγου)¹⁴,

- [21] «О сущности» (Περὶ οὐσίας)¹⁵,
 [22] «О природе» (Περὶ φύσεως)¹⁶,
 [23] «Беседы» (Διατριβαί)¹⁷,
 [24] «Полезные изречения» (Χρεῖαι)¹⁸,
 [25] «На Теогонию Гесиода» (Εἰς Ἡσίοδου θεογονίαν)¹⁹].

- ¹ Перечень сочинений Зенона (довольно хаотичный) принадлежит Диогену Лаэртию, взявшему, видимо, за основу информацию от Аполлония Тирского или (по мнению Ницше) Деметрия Магнесийского (это касается и трудов других ранних стоиков). Расставить сочинения в хронологическом порядке практически невозможно. На основании некоторых данных можно лишь допустить, что [1] и [19] — самые первые работы, имеющие много общего по содержанию и характеризующиеся заметным влиянием кинизма (идейным предшественником можно с уверенностью назвать Антисфена — Диоген Лаэртий, VI, 12; 14–15; 19 и Диогена Синопского — Диоген Лаэртий, VI, 72). «Государство», наверное, увенчанное самой большой славой сочинение Зенона (см. фрг. 252, 262), где он полемизирует с Платоном. Однако данный трактат Зенона (как и «Государство» Платона) — в числе первых образцов философской утопии, где поднимается множество религиозных и этико-психологических вопросов, важных для обустройства безупречного государства, «космополиса». Скорее всего, о чем-то подобном была и книга Хрисиппа «О государстве» (Диоген Лаэртий, VII, 34).
- ² [2] и [3] — произведения, имеющие общую тему и раскрывающие основы психологии, этики и антропологии. Феста (I, р. 46) не исключает, что название [3] могло объединить два варианта либо какая-то версия относилась ко всему трактату, другая — к его части (ср. фрг. 176; 179 — возможно, разные варианты названия [3]). Пирсон (р. 29) предполагает, название [3] могло объединить два отдельных трактата (л. ορηξ η; л. ἀνθρώπου φύσεως).
- ³ Предполагаемое содержание: толкование природы страсти как аффекта, имеющего этическую окраску, основы учения о мудреце и аргументация морально-психологической концепции «бесстрастия»; сочинение открывает целый ряд работ подобной тематики (см. фрг. 409 [2], 422 [11, 620 [13]]).
- ⁴ Трактаты, носящие те же названия, — у Клеанфа (фрг. 481 [15]), Сфера (фрг. 622 [11]) и Хрисиппа (SVF, III, 174; 688, etc.).
- ⁵ На ту же тему — трактаты Клеанфа (фрг. 481 [30]), Сфера (фрг. 620 [17]), Хрисиппа (SVF, III, 175) и Диогена Вавилонского (SVF, III, фрг. 53).
- ⁶ Персей, Клеанф и Сфер уделяли особое внимание теме воспитания, т.е. педагогико-государственной проблематике, имеющей отношение к вопросам совершенного устройства общества; затем эту тему «наследуют» Диоген Вавилонский и Хрисипп.
- ⁷ Отдельное сочинение на данную тему не встречается больше ни у одного раннего стоика.
- ⁸ См. фрг. 85 прим. 1. В трактате, по всей видимости, были представлены базовые понятия школьной физики.
- ⁹ По мнению Пирсона (р. 29), здесь «знак» (σημεῖον) является мантическим, поскольку мантика в школе была представлена как «наука, изучающая и трактующая знаки, полученные от богов» (Секст Эмпирик. Против уче-

- ных, IX, 132). Это позволяет отнести данное сочинение к трактатам о гадании, возможно, именно о нем упоминает Цицерон (О прорицании, I, 6, фр. 173). В логике стоиков (Хрисиппа) понятие *σημείων* соответствовало истинной крупной посылке в формально корректном условном силлогизме (Секст Эмпирик. Против ученых, VIII, 245 сл.). Это позволяет допустить, что учение о «логическом знаке» первым стал развивать уже Зенон, написавший на эту тему отдельный трактат (к этой мысли склонялся уже Прантль — K. Prantl. *Geschichte der Logik im Abendlande*. Bd. I, Leipzig, 1855, S. 458).
- ¹⁰ «Словесное выражение», или «слово», у стоиков определялось термином «записанный звук» (Диоген Лаэртий, VII, 56). Однако данный термин появился несколько позднее, вероятно, при Хрисиппе или Диогене Вавилонском (SVF, III, фр. 20). По мнению Пирсона (р. 27), эта работа посвящена определению различных понятий.
- ¹¹ Пирсон (р. 28, 30) и Феста (I, р. 111) предполагали, что эта книга носила риторический характер. Хотя, скорее, о чем заговорил уже Целлер, сочинение сродни «Любовному искусству», упомянутому Диогеном Лаэртием (VII, 34).
- ¹² Пирсон (р. 28) [17] и [18] сводит в единую книгу. Скорее всего, эти сочинения содержали примеры «диалектических» рассуждений, опирающихся на различные силлогизмы.
- ¹³ Определение «этические» должно, судя по всему, дать представление о содержании трактата, представляющего портрет совершенного мудреца (здесь речь идет о кинике); примером для сочинения могли быть «Воспоминания о Сократе», написанные Ксенофонтом (Диоген Лаэртий, VII, 2). Пирсон (р. 31) убежден, что «*ἠθικά*» — отдельный трактат, разъяснявший всевозможные вопросы этики.
- ¹⁴ «Логика», или «О разуме», — полноправные варианты перевода названия. Видимо, в данной работе представлено деление всей философии (см. фр. 45), основные темы гносеологии (куда входит и учение о критерии), логики (с семантикой?) и риторики. Трактат открывает школьный цикл одноименных или аналогичных по направлению работ (см. фр. 481 [33], 620 [25]; у Хрисиппа — целые логические циклы, напр., Диоген Лаэртий, VII, 194).
- ¹⁵ Феста высказал мнение (I, р. 77), что это может быть то же, что [9]; вероятно двойное название: *περὶ τοῦ βίου ἢ περὶ τῆς οὐσίας*.
- ¹⁶ Не исключено, что то же, что [3] в смысле *Περὶ [ανθρώπου] φύσεως*.
- ¹⁷ Свободная подача материала в стиле диатрибы, берущее начало у киников и весьма популярное у стоиков вплоть до Эпиктета и Марка Аврелия. Формой бесед пользовался Аристон (фр. 333 [5], [6]), Персей (фр. 435 [8]), Клеанф (фр. 481 [44]) и Сфера (фр. 620 [9]).
- ¹⁸ Сочинения в манере «полезных изречений» довольно часто встречались у стоиков; их использовали Аристон (фр. 333 [7]), Персей (фр. 435 [9]), Клеанф (фр. 481 [43]), Гекатон (Диоген Лаэртий, VII, 172) и др.
- ¹⁹ Скорее всего, подтверждение и применение физических аллегорий.

42. Геркуланейский список стоиков, col. IV, Tr. <...> бесцеремонно извратил его, сделав подозрительным сразу же после того, как Зенон написал его, из-за чего в него все тыкали пальцем <...>¹.

¹ Имеется в виду некий автор (стоик?), который видоизменил текст «Государства» Зенона вскоре после того, как оно вышло в свет.

43. Климент Александрийский. Строматы, V, 9, 58, р. 365, 9, Stählin-Früchtel. Хотя сами стоики подтверждают, что великий Зенон написал много такого, что они, как правило, не предлагают для чтения ученикам, до тех пор пока те не убедят их в верности своей философии.

44. Квинтилиан. Наставление оратору, XII, 1, 18. Пусть даже эти мужи [подобные Цицерону] не обладали совершенными умениями, однако на вопрос, являлись ли они ораторами, я скажу в духе стоиков: когда к ним обращались с вопросом, можно ли назвать мудрецами Зенона, Клеанфа или Хрисиппа, те отвечали, что это великие и уважаемые философы, однако не достигшие высочайшего предела человеческой природы.

В. ОТРЫВКИ И МНЕНИЯ

1. Деление философии

45. Диоген Лаэртий, VII, 39 [=] SVF, II, 37; SVF, III; Диоген, фрг. 16; Аполлодор, фрг. 1; Эвдром, фрг. 1. [Стоики] утверждают, что у философии три составляющих: физическая, этическая и логическая. Эту идею в трактате «Об учении» [«Логика»]¹ ввел Зенон из Кития.

¹ Подобное деление, скорее всего, обсуждалось еще до Зенона. Хрисипп считал (Плутарх. О противоречиях у стоиков, 9, 1035a = SVF, II, 42), что оно существует с древности (ὅτι τῶν ἀρχαίων εἰρημένα). По информации, заслуживающей доверия, это деление — детище Платона или его близкого круга (Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 16; Цицерон. Первая Академика, 19). Его признавали перипатетики (ср. Аристотель. Топика, I, 14, 105a, 20 сл.) и распространяли академики, а более всех — Ксенократ, у которого, видимо, стоики и переняли идею трехчастного деления философии (см. Цицерон. О пределах добра и зла, IV, 4: «Всю философию они [академики] поделили на три части, и этот принцип закрепил Зенон»).

46. Диоген Лаэртий, VII, 40 [=] SVF, III, Архедем, фрэг. 5; Эвдром, фрэг. 2. Некоторые, и среди них Зенон в сочинении «Об учении» [«Логика»], ставят логическую часть на первое место, физической отводят второе, а этической — третье¹.

¹ Расхождения среди стоиков возникали из-за сравнения значимости отдельных частей и, значит, последовательности их изложения. В этом вопросе все решала специфика понимания учения и его целей. Практически все видные стоики, по-видимому, разрабатывали универсальные программы. Объединяла их установка на единство всех «ипостасей» логоса: познания, мироустройства и целеполагания. Три сферы работы логоса — логическая, физическая и этическая — и есть три родовые добродетели (ἀρεταὶ γενικώτατα τρεῖς — SVF, II, 35, ср. Диоген Лаэртий, VII, 39 сл.). Логика служит для общей пропедевтики и эпистемологии, разъясняющей принципы и границы познания, мерила истинного и ложного и методы их выражения. Задача физики — подвести базу под законы мироздания, предоставить источники для суждения о благе и зле, устанавливая таким образом принципы этики (Плутарх. О противоречиях у стоиков, 9, 1035cd). Этика — формулировать конечную цель разумного существа и способы ее достижения (SVF, II, 35). Логическая, физическая и этическая части неразрывно связаны (Диоген Лаэртий, VII, 40; Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 19). Главенство одной части над другой акцентировалось исключительно для пропедевтики. Логика являлась не просто «инструментом» познания, а полноценной составляющей учения, поскольку объекты изучения физики и этики определялись на основании «логических» законов (Диоген Лаэртий, VII, 83). Принятые в школе сравнения философии с живым существом, яйцом, садом и т.п. подтверждают, что физика была посредником между логикой, сравниваемой с наружными покровами (костями и мышцами, скорлупой, забором), и этикой, представлявшей собой высшую точку учения (Диоген Лаэртий, VII, 40; Секст Эмпирик, VII, 16 сл.), его душу (сравнение Посидония — Секст Эмпирик, VII, 19). Однако общепринятой нормы, жестко регламентирующей последовательность расположения и подачи отдельных частей, судя по всему, у стоиков не было.

Зенон следовал схеме: логика — физика — этика. Вероятно, именно такая последовательность приближалась к общешкольной догме (ср. Секст Эмпирик. Пирроновы положения, II, 13). Эвдром и Архедем придерживались того же порядка (Диоген Лаэртий, VII, 40). Клеанф и Диоген из Птолемаиды держались ряда: логика — этика — физика (там же, 41). По поводу Хрисиппа существует несколько версий. Диоген Лаэртий называет порядок (VII, 40): логика — физика — этика. Плутарх (О противоречиях у стоиков, 9, 1035ab) утверждает, что это была последовательность: логика — этика — физика, поскольку пропедевтика диктует, что изучать лучше от более простого к сложному и важному и приближать к теологии, в заключении подводя к богопознанию (данная версия дается Секстом Эмпириком, VII, 22–23, как общешкольная, хотя в Пирроновых положениях, II, 13, на эту роль претендует порядок: логика — физика — этика). Если Плутарх прав, то стоит отдать должное методологическому изяществу Хрисиппа. Та же последовательность учения стоиков представлена у Диогена Лаэртия.

Не стоит забывать, что этическая сторона учения особо подчеркивается. Подобный акцент на этику (на которую, в общем-то, «работают» и логика, и физика) естественно обнаружился. Сначала у Аристона Хиосского в виде «ереси»: он заявил, что две оставшиеся части философии излишни, после чего и вся Поздняя Стоя, в более мягкой форме, приняла эту позицию. По этой причине мне ближе версия, выдвинутая еще Целлером и поддерживаемая большинством крупных исследователей Стой: последовательность Зенона (логика — физика — этика) не только не идет вразрез со взглядами самых видных стоиков, но и, что главное, дает возможность увидеть внутреннюю закономерность движения от периферии к центру, от пропедевтики к пониманию и искусству жить мудро.

2. Логика

47. Цицерон. О пределах добра и зла, IV, 9 [=] SVF, II, 45.

Хотя, если Хрисипп усиленно трудился над этой темой [диалектикой], то Зенон, наоборот, даже менее, чем авторы до него.

48 = 483 = SVF, II, 51. Эпиктет. Беседы, 117, 10–11. Логика (τὰ λογικά)... — средство дифференцировать и изучать или, другими словами, распознавать и взвешивать все прочее. Чье это мнение? Хрисиппа и Клеанфа с Зеноном? Неужели Антисфен считает иначе?¹

¹ О логических интересах киника Антисфена см.: Аристотель. Метафизика, V, 29, 1024b, 32 сл.; Диоген Лаэртий, VI, 3. Взгляды Антисфена, по-видимому, отражены в каком-то его трактате по логике (см. Диоген Лаэртий, VI, 17).

49. Стобей. Эклоги, II, 2, 12, р. 22, 12, Wachsmuth. Диалектические науки (τέχναι)¹ Зенон сравнивал с точным мерилом, предназначенным не для зерна или чего-то полезного, а для сора и плевел.

¹ Техническое понятие гносеологии стоиков для обозначения упорядоченных неким способом «постижений». Ср. фрз. 351, 391–393.

50. Плутарх. О противоречиях у стоиков, 8, 1034f. Зенон справлялся с софизмами и наставлял учеников постигать диалектику, ибо именно она главная помощница в этом занятии.

51. Эпиктет. Беседы, IV, 8, 12. Однако значительно лучше та «теорема» мудреца, ...которую предлагает Зенон: постичь

основу всякого учения, установить, чем каждое из них является, определить связи между ними и то, что из них следует.

2.1. Теория познания

(φαντασία, αἴσθησις, κριτήριον)

[По точному определению Арнима (SVF, I, p. 18), данные ниже тексты подтверждают, что базовые понятия и термины гносеологии стоиков берут начало у Зенона. В предлагаемом разделе SVF выдержки даны в следующей последовательности: 1) представление, 2) чувственное восприятие, 3) критерий. Однако эта расстановка противоречит логике учения, поскольку любое познание (эмпирически) берет начало с чувственного восприятия, без которого представления появиться не могут. Следовательно, передача теории познания должна открываться чувственным восприятием; данный порядок, вероятно, был принят в полном объеме лишь Хрисиппом, тем не менее, с опорой на уже имеющуюся традицию (см. Диокл Магнесийский у Диогена Лаэртия, VII, 47; Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 227). Не стоит и упреждать теорию познания сочинениями о мудреце (как поступает Арним), ибо такой порядок нарушает логику рассуждения и ведет к вынужденной повторяемости текстов.]

52. Цицерон. Первая Академика, 66. Мудрец, как утверждал Аркесилай (принявший в этом вопросе сторону Зенона), более других способен уберечься от иллюзий и трудностей.

53. Цицерон. Вторая Академика, 42. Мудрости и добродетели Зенон противопоставил заблуждение, легкомыслие, незнание, мнение и любое сомнение (иначе говоря, все, что далеко от верного и безошибочного одобрения¹).

¹ См. фрг. 61.

54. Цицерон. В защиту Мурены, 61. Мудрец свободен от мнений¹, ни о чем не сожалеет, ни в чем не ошибается и ни при каких условиях не меняет суждения.

Лактанций. Божественные установления, III, 4 [=] SVF, III, 553. И если, как говорил Сократ, ничего нельзя знать, а Зенон при этом учил, что подчиняться мнениям нельзя, значит вся философия разрушается.

Стобей. Эклоги, II, 7, 11 р. 112, 1W. Мудрец ничего не принимает нетвердо (ἀσθενῶς)², только надежно и основательно, оттого и неподвластен мнениям... Стоики утверждают, что мудрец ни о чем не сожалеет, никогда не меняет суждения и не заблуждается.

Ср. Цицерон. Первая Академика, 77 (фрг. 59); Августин. Против академиков, II, 5, 11; Диоген Лаэртий, VII, 121.

¹ *Orinari* = δοξάζειν — обладает статусом технич. термина. Ср. фрг. 624–625; SVF, II, 131.

² Технический термин, обозначающий состояние способности «одобрения», или «согласия» (см. фрг. 61), и разумного ведущего начала души; к точности суждений ведет отсутствие «астении», активность и прочность соответствующих частей пнеумы.

55. Цицерон. Вторая Академика, 40. Зенон немало перестроил и в третьей¹ части философии. Ему удалось дать новое представление о самих ощущениях, которые Зенон связывал с определенным толчком (*impulsio*), полученным извне, которому он дал название *φαντασία*, а мы поименуем *visum*² [следует текст фрг. 61].

¹ «Третья часть» здесь — логика.

² «Впечатление», или «представление», — первостепенный технический термин гносеологии стоиков. Чувственный образ, или первичный синтез чувственных данных, итог которого максимально точно передается русским словом «впечатление», затем подтверждается актом «одобрения», или «согласия»; после чего перед нами является рационально оформленное содержание первичного впечатления, или «представлением» (ср. фрг. 59). Соответственно, термин «чувственное впечатление» предельно точно передает понятие *φαντασία αισθητική*, а рационально оформленное «впечатление» второго порядка (*φαντασία λογική*) — термин «представление»; в ту же категорию попадает и «постигающее представление» (*φαντασία*

καταληπτική). Подобные смысловые оттенки следует принимать во внимание при передаче соответствующих греческих и латинских терминов, однако стопроцентного соответствия здесь, конечно, не добиться. У Аристотеля, видимо, заимствованы (см. фрг. 60, прим. 2) и сам термин φαντασία, и его этимология — от φως, (свет) — О душе, III, 3, 429a, 3 сл.; как зримость — Μετεωρολογικα, 16, 342b, 32; II, 9, 370a, 15; как нечто среднее между αἴσθησις и ὑπόληψις — О душе, III, 3, 427b, 14; 428a, 5 сл. Однако уже Платон (Софист, 264ab) определяет представление как слияние ощущения и мнения. По источнику возникновения впечатления делятся на чувственные и нечувственные, первые появляются от чувственной предметности, вторые — от нечувственной; по методу оформления — разумные и неразумные (так, впечатления животных могут быть лишь чувственные и неразумные) (см. Диоген Лаэртий, VII, 51). См. также фрг. 60, прим. 6.

Еще одно значение термина (принятое окончательно, судя по всему, Христином) — «способность представления». Вообще имеется четыре способности: представления (восприятия впечатлений), согласия (συγκατάθεσις), влечения, или импульса (ὀρμή), и, наконец, общей разумности (λόγος) (Стойей. Эклоги, 149, 34 р. 369, 5 сл. W. = фрг. 143 — SVF, II, 831 — видимо, отрывок из трактата Ямвлиха «О душе»; ср. Диоген Лаэртий, VII, 159). Естественно, не стоит понимать «способности» как δυνάμεις у Аристотеля. По сути, это состояния (εἴσεις) пневмы ведущего начала, телесные по определению (Плутарх. Об общих представлениях, 45, 1084 ab). Также в корне неверно будет объединять «способности» с частями души, одна из которых — само ведущее начало (см. фрг. 142–143).

56. Нумений, фрг. 25, р. 70 des Places (Евсевий. Приготовление к Евангелию, XIV, 6, 13). Заметив, как популярно в Афинах «постигающее представление»¹, а учение о нем и сам термин ввел именно Зенон², Аркесилай начал противодействовать ему как только мог.

¹ «Постигающее представление» (φαντασία καταληπτική) — главный критерий безошибочного восприятия чувственных объектов. Соотнеся два свидетельства (Диоген Лаэртий, VII, 51 и Аэтий, IV, 8, 1 = SVF, II, 850), можно заключить, что «каталептическое» представление возникает в ведущем начале души благодаря органам чувств и носит разумно-оформленный характер (см. выше фрг. 55, прим. 2). См. также фрг. 60, прим. 1.

² По поводу термина κατάληψις (фрг. 60) так же высказывался и Цицерон. Скорее всего, именно Зенон ввел в употребление производные глагола καταλαμβάνω; хотя самим глаголом в близком к этому значении пользовался уже Платон (Федр, 250d).

57. Гален. О наилучшей науке, I, р. 41, К. [Термины, введенные Зеноном, — καταληπτόν, κατάληψις, καταληπτική φαντασία, ἀκατάληπτος, ἀκαταληψία осуждаются как неаттические.]

58. Секст Эмпирик. Против ученых, VIII, 236. Зенон утверждает: впечатление является отпечатком (τὸ ἄστυς) в душе.

Там же, 230. [Хрисипп] полагал, что Зенон замещал термином «отпечаток» слово «изменение» (ἐτεροίωσις)¹.

¹ Хотя Хрисипп называл последнее определение более подходящим (ср. Диоген Лаэртий, VII, 50). Хотя, вероятнее всего, лишь применял привычную метафору «отпечатка на воске», которая берет начало, видимо, еще от Демокрита (Феофраст. Об ощущениях, 51 = Демокрит, фрг. 478, Лурье), употребляется Платоном (Теэтет, 191 с сл.) и Аристотелем (О душе, II, 12, 424а 17 сл.).

59. Цицерон. Первая Академика, 18. Так он¹ отвергал саму идею, что нечто вообще можно воспринять... если это, по определению Зенона, впечатление... которое так отпечаталось и сохранилось от того, от чего оно произошло (talevisum... impressum effectumque ex eo unde esset), что не могло бы относиться к тому, от чего оно не произошло (это, по нашему мнению, Зенон указал абсолютно точно) ...и именно это Филон¹ разваливает и уничтожает.

Там же, 77. Возможно, [Аркесилай] задал Зенону вопрос: если бы мудрец был не в состоянии ни воспринять что-либо, ни подчиниться мнениям, что произошло бы? У него, полагаю, ни о чем не будет мнения, ибо есть нечто такое, что он в состоянии воспринять. Что же это? Представление. Какое же? И Зенон определил его так: отпечаток, оттиск и образ того, что существует так, как оно существует (ex eo quod esset sicut esset impressum et signatum et effectum). Далее необходимо разобраться, истинно представление подобного рода или ложно². Вот тут Зенон подтвердил, что нет такого воспринятого представления, которое, происходя от того, что существует, могло бы происходить и от того, что не существует³.

Августин. Против академиков, III, 9, 18. Взглянем на доводы Зенона: «Схвачено⁴ и воспринято может быть лишь то представление, у которого нет единых признаков с ложным»⁵.

Ср. Августин. Против академиков, II, 5, 11; 6, 14; Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 248; 426; Пирроновы положения, II, 4; Диоген Лаэртский, VII, 50.

- ¹ Речь идет о Филоне из Лариссы (конец II — 1-я половина I в. до н.э.), основоположнике Четвертой Академии.
- ² Истинным или ложным в прямом смысле может быть не впечатление, а только то высказывание (ἄξιωμα), что передает смысл данного впечатления (см. прим. к фрг. 61).
- ³ Из этого следует, что первое и главнейшее качество «постигающего впечатления», — происхождение от существующего, т.е. от реальной предметности, действительно наличной в том виде, в котором она запечатлена и представлена судящей инстанции сознания. Соответственно, постигающее впечатление, само становится объектом постижения в акте верификации соответствующего суждения (см. фрг. 60 и прим. 1–2; 6).
- ⁴ См. фрг. 60 и 66.
- ⁵ Ср. Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 152: «Постигающее представление — это истинное представление, которое не может оказаться ложным». Такие формулировки заметно удаляют нас от сути предмета. Вопрос истинности и ложности представлений заключен, строго говоря, в истинности или ложности высказываний (см. фрг. 61, прим. 1). В переносном смысле «истинность» представления идентична «каталептичности». Если верить Сексту Эмпирику, догма стоиков не опровергала существование истинных, однако не постигающих представлений. По той причине, что они могут появиться случайно в бреду, умопомрачении и тому подобных состояниях (Против ученых, VII, 247), когда обыкновенная познавательная способность человека нарушена либо снижена, естественно, что такое исключение принимать во внимание не стоит. Большого доверия заслуживает утверждение Александра Афродисийского: «А истинные представления мы именуем и сильными, и постигающими... ложное именуем непостижимым [см. фрг. 60], а из истинных — неясные» (О душе, р. 71, 10, Bruns = SVF, II, 70 — мнение Хрисиппа). Может быть, к «неясным» представлениям относили «вероятность» (см. фрг. 624–625).

60. Цицерон. Вторая Академика, 41. Зенон принимал в качестве достоверных не все впечатления, а только обладающие отличительным свойством «обнаруживать» те вещи, которые [в них] «представляются» (*proprium quondam haberent declarationem earum rerum quae viderentur*)¹. Раз уж подобное впечатление само собой «распознается» (*per se cerneretur*), он определил его как «постигаемое» (*comprehensibile*)... — Вы тоже так считаете? — Естественно, — ответил Аттик. — Как по-другому перевести греческое *καταληπτόν*? — ...а после его принятия и одобрения Зенон применял к нему термин «схватывание»

(comprehensio)², — по аналогии с предметами, которые можно схватить рукой. Из такой параллели и родилось такое название, до Зенона в этой сфере оно не употреблялось. Новые вещи, о которых он рассуждал, требовали новых слов. К примеру, то, например, что воспринималось ощущениями, Зенон и величал ощущением³. Когда нечто воспринималось так, что подобное представление уже невозможно поколебать разумом, — он именовал это знанием (scientia), а если иначе — незнанием. Последнее порождает неустойчивое и связанное с ложным и непознанным⁴ мнение. 42. Однако «схватыванию», упомянутому мной, Зенон определил место между знанием и незнанием, не относя его ни к добродетельным вещам, ни к порочным, при этом утверждая, что доверять стоит только «схватыванию». По этой причине он доверял и чувствам, поскольку, и я об этом уже упоминал, он полагал, что «схватывание», появившееся на базе чувственных данных (comprehension facta sensibus), точно и надежно, не оттого, что оно схватывает все качества предмета, а оттого, что от него не может укрыться ничего из того, что ему доступно. А также потому, что природа сама создала его в качестве некой нормы знания и естественной основы (norma scientiae et principium sui), из которых в душах далее запечатлеваются общие представления о вещах (notions rerum); после чего эти представления помогают открыть не только сами основы, но и практически безграничные пути для освоения разума⁵ [далее следует текст фрг. 53].

Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 248. Постигающее представление создается и отпечатывается от реально наличной предметности и в соответствии с ней. Оно не в состоянии возникнуть от того, что ею не является (ἀπό ὑπάρχοντος καὶ κατ' αὐτό τὸ ὑπάρχον... ὁλοῖα οὐκ ἂν γένοιτο ἀπὸ μὴ ὑπάρχοντος)⁶.

То же: Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 426; Диоген Лаэртий, VII, 46; 50.

Ср. Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 242 сл.; 402; Пиррононы положения, II, 4; Августин. Против академиков, II, 5, 11; 6, 14.

¹ Ср. SVF, II, 54 = *Аэтий*, IV, 12, 1: «Как свет раскрывает сам себя и все, что охватывает, так и впечатление обнаруживает себя и то, что привело к его появлению (καὶ ἡ φαντασία βεβυυσιβ εαυτην και το λοποцкоc αὐτήν)».

² Это по-настоящему значимое свидетельство Цицерона дает возможность, хоть и не без усилий, конкретизировать понятия «постигающее представление» и «схватывание» («постижение»). Раз Цицерон осознанно пользуется понятием «постигаемое представление» (*visum comprehendibile*), которому соответствует греч. φαντασία καταληπτή (ср. фр.г. 353, прим. 1), то возникает вопрос: как много терминов существовало для именования достоверного впечатления и каково соотношение между ними? Хирцель считает (R. Hirzel. Untersuchungen zu Cicero's philosophischen Schriften. Teil II. De finibus. De officiis. Abt. 1. Leipzig, 1882, S. 175 f.), *visum comprehendibile* есть то же самое, что φαντασία καταληπτική. Καταληπτικόν, а значит, наделено тем же пассивным значением, как и καταληπτόν. Хирцель верно подметил, что понятие φαντασία καταληπτή в сочинениях ранних стоиков не обнаружено, и что «каталептическое» представление прежде всего является объектом для оценивающей инстанции, ибо «постижение», или «схватывание» (*comprehensio* = κατάληψις) — это закрепление содержания «каталептического» впечатления (см. фр.г. 59 и ниже, прим. 5). С этим согласен и Рист (J. M. Rist. *Stoic Philosophy*. Cambridge, 1969, p. 136), однако подобное мнение соответствует истине лишь наполовину, поскольку отказывает «каталептическому» представлению в какой бы то ни было активности и лишает смысла сам термин φαντασία καταληπτική.

Скорее всего, более адекватен иной подход, который избрали (с некоторыми уточнениями) Грумах, Сэндбах и Грэзер; он дает возможность обособить сосуществование обоих терминов (хотя один из них характерен в основном для латинского варианта) и не потерять активное значение понятия φαντασία καταληπτική. Имеются в виду два функциональных плана — пассивный и активный — «каталептического» впечатления: его концептуальная восприимчивость для оценивающей инстанции опирается на предварительное активное восприятие некоей реальной предметности (F. H. Sandbach. *Phantasia kataleptike // Problems in Stoicism* / ed. by A. A. Long. London, 1971, p. 10; 14). Иначе говоря, и тот, и другой термин связаны с одним и тем же «впечатлением», поскольку объект «схватывания» (φαντασία καταληπτή) — это всегда активно-каталептическое представление (E. Grumach. *Physis und Agathon in der Alten Stoa*. Berlin, 1982, S. 74–75). Если представление не может быть одобрено и является «непостигаемым» (φαντασία ακατάληπτος Диоген Лаэртий (VII, 46) и Секст Эмпирик (Против ученых, VII, 415 сл.) противопоставляют его «постигающему», другими словами «каталептическому»), а это само по себе значит, что оно не являлось и «каталептическим».

Соответственно, являясь, в том числе и объектом оценки (и в этом смысле — καταληπτή), достоверное представление продолжает сохранять и определенную активность. Оно остается «каталептическим» (καταληπτική), когда «схватывает» некую реальную предметность (как она существует у чувств), с безусловной точностью и прозрачностью формирует и представ-

ляет собственное содержание (A. Graeser, Zenon von Kition. Positionen und Probleme. Berlin–NewYork, 1975, S. 51). Очевидность, в которой нет места сомнению, — второй (не считая происхождения от реально существующего) признак «каталептического» представления. Хотя понятие ἐνάργεια в раннестоических трудах почти не встречается (кроме, может быть, SVF, I, 346; 407), работа Циперона, включающая неоспоримые смысловые параллели, подтверждает, что он мог быть в ходу (ср. Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 257; 403). Некоторые параллели есть и у Эпикура, напрямую называвшего представление «очевидностью» (Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 203). Постигающее представление — это представление «притягивающее», «поражающее» (πληκτική) (Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 257; 403). Тот же смысл мог вкладывать и Зенон (см. Секст Эмпирик, VII, 248 сл.). Хрисипп же сделал это школьной нормой: «Слово „представление“ образовано от слова „свет“. Как свет выявляет сам себя и все, что охватывает, так и представление делает видимым само себя и то, что его вызвало» (Азгий, IV, 12, 1 = SVF, II, 54; см. выше, прим. 1; ср. Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 162–163. См. также фрг. 55, прим. 2). Следовательно, Хирицель был прав (S. 188): в содержательном отношении между «постигающим» представлением и «постижением» не существует разницы: они соотносятся как потенция и энергия. Однако как раз в акте «согласия», приводящего к «постижению», «впечатлению» бесповоротно превращается в разумно оформленное «представление».

³ См. фрг. 62.

⁴ См. фрг. 67 сл.

⁵ Дорога к истинному знанию берет начало от чувственного восприятия через постижение и опыт в сферу логических операций, где конечным мерилom предстает «верный разум».

⁶ Значение термина понятие: «постигающее представление» появляется от некоей наличной предметности и не просто появляется от нее, но и равнозначно воспроизводит ее. Тогда закономерен вопрос: как именно налична данная предметность, иначе говоря, какой класс предметности есть объект «постигающего представления». По существу, нужно определить, что же стоит за термином τὸ ὑλάρχον (или ὑλάρχειν). И тут возникают определенные трудности. 1) Надо признать, мы не знаем, какое именно значение вкладывал в эти термины Зенон и, как точно подметил Сэндбах, «давал ли он им определения вообще» (F. H. Sandbach. Phantasia kataleptike, p. 17). А значит, восстановить можно лишь школьную догму периода Хрисиппа. 2) Исходя из этой догмы, в отношении постигающего представления τὸ ὑλάρχον определяется как «то, что приводит к появлению постигающего представления» (Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 426; VIII, 85; XI, 183; Прироновы положения, III, 242); налицо petitio principii. 3) В повседневных философских беседах у данного понятия есть несколько смысловых оттенков: а) «существовать», «быть действительным» (в противовес «казаться»); б) «иметься»; в) «проявляться на некоем субъекте».

Изучение контекстов приводит к выводу, что бестелесную предметность, как правило, обозначают термином τὸ ὑφύστασθαι/ὑφροτάναι. Он применяется, к примеру, при нормативном определении бестелесного смысла (лектон) (Секст Эмпирик, VIII, 70; Диоген Лаэртский, VII, 63); границы тел «имеют место (ὑφροτάναι) только в понятии» (Прокл. Комментарий

к «Элементарам» Евклида, р. 89, Friedlein = SVF, II, 488) и т.д. «Сущее» (τὸ ὄν) и τὸ ὑφεστὸς — различные роды предметности (SVF, II, 322). Бестелесное в противоположность сущему (телесному) налично в другом смысле, и эта неодинаковость неоднократно зафиксирована в терминах. А значит, понятие τὸ ὑλάρχον/ὑλάρχειν следует использовать, говоря о преимущественно телесной предметности (ср. фр.г. 113; 141; SVF, II, 251). Однако есть и отступление от этого правила. Термин τὸ ὑλάρχον/ὑλάρχειν в некоторых случаях используется и для обозначения бестелесной предметности, в частности, времени: лишь настоящее конкретно реально (ὑλάρχειν), а прошедшее и будущее представлены иначе (ὑφεστάνα) (SVF, II, 509 сл.). Есть упоминания и о «реальном наличии» бестелесных высказываний (Секст Эмпирик, VII, 38; VIII, 85, ср. 10), однако здесь, естественно, имеется в виду не онтологический статус высказываний, а их истинность (особенно, если учесть, что в другом контексте — VIII, 258 — говорится о полном отрицании «реального наличия» лектон). В то же время «образование» земли названо ὑφύστασενη (SVF, II, 579). Поэтому утверждать, что словоупотребление жестко регламентировалось, не стоит (это подтверждает SVF (II, 202a) — сочинения Александра Афродисийского и Иоанна Филопона — или SVF, II, 331 = Секст Эмпирик, X, 218: ἀόψατον αὐτὸν [sc. χρόνον]... ὑλάρχειν; ср. также SVF, II, 380).

При этом все вышеизложенное дает возможность (хоть и с некоторыми допущениями) согласиться с Лонгом. «Я полагаю или, точнее, уверен, что ведающее значение термина ὑλάρχειν у стоиков — «существовать», и в данном смысле он используется лишь по отношению к материальным объектам» (A. A. Long. Language and Thought in Stoicism // Problems in Stoicism, p. 91–92). С подобной точкой зрения согласны Пост (J. M. Rist. Categories and their Uses // Problems in Stoicism, p. 39) и Грээр (Zenon, S. 52). Гипотеза Адорно (E. Adorno. Sul significato del termine ὑλάρχον in Zenone Stoico // Paroladel Passato 12, 1967, p. 151–161), что термином ὑλάρχον именовали предметность, наличную лишь в акте восприятия, неверна: если бы (как точно подметил Лонг — р. 100 п. 72) такая предметность была обусловлена актом восприятия, она не могла бы являться отличительным признаком «постигающего представления». Значит, связь с действительно (и объективно) существующим — первостепенное свойство «постигающего впечатления», отличающее его от остальных «впечатлений». Секст Эмпирик, рассуждая о «критерии существования», или «наличия», часто говорит об этом (κρίτηρον τῆς ὑλάρχεως — Против ученых, VI, I 27; 31; Пирроновы положения, I, 21; II, 14; ср. о квазиналичии «идей» — фр.г. 65).

Следовательно, можно довольно уверенно сказать: объект постигающего представления — и есть та самая объективная и реально наличная телесная предметность, воспринимаемая чувствами. То есть имеются в виду телесные вещи — лишь они могут прямо воздействовать на органы чувств (поскольку только тело может являться причиной в собственном смысле) благодаря чему становятся объектом чувственного восприятия (ср. фр.г. 55). Это совершенно точно подтверждает Диоген Лаэртий (VII, 51): существуют представления нечувственные и чувственные (в зависимости от источника возникновения; первые воспринимаются мыслью, или разумом, они возникают от бестелесной предметности либо той, что не может оказаться объектом чувственного восприятия; некоторые чувственные представления про-

исходят «от реально наличного (ἀπό ὑπαρχόντων) при нашем содействии и согласии». Это, несомненно, и будут «постигающие представления».

Более того, как точно определил Рист (Stoic Philosophy, p. 136–138), постигающее представление должно не просто возникать от реально наличного и в соответствии с ним, но непременно от данной конкретной (а не какой-либо другой) предметности и в соответствии с нею. Как видим, целый ряд свидетельств подтверждает высокую вероятность того, что область использования «постигающего представления» — это исключительно «здесь и сейчас», не признающее иных измерений (для морального индивида у стоиков все начинается и заканчивается в этом мире).

В таком случае перед нами предстает очевидный пафос теории познания стоиков (или, по крайней мере, ее начального этапа). Основная интуиция онтогносеологии Стой гласит: единичное прежде общего (это, безусловно, не относится к основополагающим аподиктическим и априорным законам познания). Когда Платон в первую очередь и в собственном смысле признает существующим общее и бестелесное, стоики — индивидуально и телесное, а значит, уникальное. На вопрос: «что» и «как» мы познаем, стоики давали принципиально иной ответ, чем Платон: они нацелены на частное и неповторимое в предметности (не избегая, конечно, общего), Платон же ориентирован на общее и повторяющееся. Истинное (содержательное) начинается с первичного синтеза чувственных данных, а не с лицемерия неизменных парадигм. Суть созданной Зеноном теории познания — «схватить» индивидуальную предметность во всей ее уникальности. С подобной задачей должно было справиться «каталептическое впечатление», или «представление»: как отпечаток на воске передает малейшие нюансы прототипа, так и «каталептическое представление» в тончайших деталях воспроизводит собственное уникальное предметное содержание. Гарантией продуктивности, другими словами, выверенности, этого механизма, способности «каталептического представления» быть «критерием» является принципиальная неповторимость воспринимаемой органами чувств телесной предметности. Стоицизм исходит из того, что двух совершенно идентичных «каталептических представлений» быть не может, ибо среди чувственно воспринимаемого нельзя найти две всецело одинаковые вещи: «Среди всех вещей невозможно отыскать ни двух тождественных волос, ни двух одинаковых зерен» (Цицерон. Первая Академика, 85 = SVF, II, 113). Ставя во главу угла единичное, стоики представили новую гносеологическую модель как реальную альтернативу гносеологии Платона, к тому же (как показало время) альтернативы весьма перспективной и, как минимум, достойной серьезного рассмотрения.

Однако до сих пор вопрос о том, может ли стать объектом «схватывания» (а значит, содержанием представления) нечто, не являющееся объектом чувственного восприятия в данный момент, не закрыт. В школьной догме (сформировавшейся, судя по всему, уже после Зенона) единая позиция на этот счет отсутствует.

При том, что «всякое постижение зависит от чувственного восприятия» (Ориген. Против Кельса, VII, 37 = SVF, II, 108); вероятно, это значит, что «схватывается» лишь содержание «постигающего представления». Однако, по свидетельству Диокла Магнесийского (Диоген Лаэртий, VII, 52 = SVF, II, 84), «постижение» может относиться не только к чувственной предметно-

сти, но и к умопостигаемой (другими словами, абсолютно непостижимой для чувственного восприятия, но все же телесной, — к ним относятся, скажем, бог, благо, бог, добродетель и пр.); правда, здесь возможно некорректное употребление термина.

61. Цицерон. Вторая Академика, 40. С этими «образами» (*visa*) — или, иначе говоря, с «чувственно воспринятым» (*acceptasensibus*) — Зенон объединил одобрение души¹; оно, по его словам, в нашей власти и произвольно (*in nobis posita et voluntaria*)².

¹ *Assensio* = συγκατάθεσις (от συγκατατίθεμαι/τίθημι) — «одобрение», или «согласие», внедренный Зеноном технический термин гносеологии стоиков. Особенное значение имеет то, что «одобряется» или отвергается не чувственное впечатление само по себе, а высказывание, передающее смысл определенного «впечатления», или «представления»: οὐ πρὸς φαντασίαν γίνεται ἀλλὰ πρὸς λόγον (τῶν γὰρ ἀξιωματῶν εἰσὶν αἱ συγκαταθέσεις) (Аркесилай у Секста Эмпирика. Против ученых, VII, 154, ср. συγκατάθεσις ἀξιωμασι — SVF, III, 171). Следовательно, способность «согласия» откликается не на физический аспект впечатления, а на его содержание (ср. Платон. Теэтет, 186d). Значит, «истинным» или «ложным» впечатление можно называть исключительно в переносном и несобственном значении, ибо квалификация «истинный»/«ложный» применима лишь к бестелесным высказываниям (Секст Эмпирик, VIII, 10; о различии между телесной «истиной» и бестелесной «истинностью» — там же, VII, 38 сл.). Стало быть, проблема «истинности» представлений является проблемой истинности высказываний (иначе говоря, соответствия значения высказывания описываемой им реальности). Таким образом, завершенный нормативный вид данные положения получили, судя по всему, уже в трудах Хрисиппа.

² Лат. *Quod in nobis* соответствует греч. τὸ ἐφ' ἡμῖν. Это понятие (взятое, видимо, у Аристотеля — напр., Никомахова этика, III, 5, 1112a 31) описывает способность разума к самоопределению сначала на гносеологическом уровне; в этике подобная автономия познающего субъекта обретает моральную окраску. Данное суждение Зенона уточняет взаимное отношение «постигающего представления», «согласия» и «постижения». Процесс зарождения «согласия» можно толковать двояко: 1) каталептическое «впечатление», автоматически вызывает «согласие», «побуждает нас к нему» (Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 405); 2) не существует впечатлений, являющихся определяющей причиной «согласия» (Плутарх. О противоречиях у стоиков, 47, 1055f). Первая версия невозможна по нескольким причинам. Раз «представление» активно, а субъект пассивен, то некий вид «представлений» должен непременно воздействовать на него: а значит, заблуждения можно было бы задавать намеренно. Зенон, безусловно, пытался сохранить независимость разума, на которую опирается моральное достоинство человека: объективное содержание представлений, конечно, не от него зависит, однако он совершенно точно может принимать или не принимать их (см. Секст Эмпирик, VIII, 397

сл.). Вот этому Эпиктет затем и даст название «власть над представлениями».

Значит, «согласие» в основном и представляет собой то, «что от нас зависит» (SVF, II, 981; Цицерон. Первая Академика, 37), — в том смысле, что оно зависит лишь от нас. Следовательно, иногда даже каталептическое представление может не получить «согласия», если процесс затрудняют добавочные обстоятельства, не имеющие отношения к структуре самого механизма восприятия. К примеру, Геракл, забрав из царства мертвых Алкесту, показал ее Адмету, тот не поверил своим глазам, несмотря на то, что, безусловно, имел совершенно точное «каталептическое представление», что перед ним именно она (Секст Эмпирик, VII, 254 сл.). В этом суть позднейшей добавки (вероятно, Антипатра из Тарса или Посидония) к определению «постигающего представления»: «и ему ничто не препятствует» (καὶ τὸ μὴ ἐν ἔχουσιν ἐνότητια — Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 253). На это же опирается и мысль о том, что «согласие» может быть дано и на «некаталептическое представление», появившееся от несуществующего, — в этом случае формируется ложное мнение — δόξα (Диоген Лаэртий, VII, 46, ср. Секст Эмпирик, VII, 151; SVF, III, 548 etc.).

Опираясь на все вышесказанное, можно прийти к выводу, что определение Секста Эмпирика «постижения» в виде «согласия со стороны постигающего представления» (καταληπτικῆς φαντασίας συγκατάθεσις — VII, 151, ср. XI, 182) является искажением догмы стоиков. Более точной можно назвать определение Александра Афродисийского: «постижение — это согласие на такие [каталептические] представления» (κατάληψιν εἶναι τὴν ταῖς τοιαύταις φαντασίαις συγκατάθεσιν — О душе, р. 71, 10 sq. Bruns = SVF, II, 70) — с уточнением, что одобряются не собственно представления, а соответствующие высказывания (см. прим. 1).

62. Диоген Лаэртий, VII, 52. Чувственное восприятие... — «схватывание», совершаемое посредством органов чувств¹.

Ср. Цицерон. Вторая Академика, 41.

¹ Необходимо помнить, что у термина «чувственное восприятие» («ощущение») значение довольно широко: в том же сочинении Диогена Лаэртия (ср. SVF, II, 850) это направленный к органам чувств поток пнеумы, а также само устройство этих органов и даже «схватывание» (Арним остановился на последнем из-за его безусловного сходства с определением в сочинении Цицерона); более того, «ощущение» имеет отношение (хотя не вполне понятное) и к «согласию» (см. SVF, II, 72 сл.).

63. Секст Эмпирик. Против ученых, VIII, 355. Эпикур каждое чувственное восприятие определял как устойчивое, а Зенон видел в них различия.

Цицерон. О природе богов, I, 70. Аркесилай, возражая Зенону, заявлял, что всякое чувственное восприятие ложно. В свою очередь, Зенон относил к ложным лишь некоторые впечатления.

64. Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 373. Память — это накопление представлений¹.

¹ Как считает Пирсон (р. 67), и с ним согласен Арним, это определение, прозвучавшее в дискуссии Хрисиппа и Клеанфа, дал все-таки Зенон.

65. Стобей. Эклоги, 112, 3 р. 136, 21W. Мысленные конструкции [отвлеченные общие представления] (ἐννοήματα), по их [Зенона и его последователей] словам, не являются реальными предметами или качествами; это «нечто вроде» предметно и качественно определенных «грез» (φαντάσματα)¹ души. Более ранние авторы именовали их «идеями». В число этих «грез» входят, к примеру, идеи людей [вообще], лошадей, всех животных — одним словом, всего, что возможно представить. У подобных идей, как считали стоики, нет причин для существования (ἀνύπαρκτοι): данные мыслительные конструкции создаем мы сами, а смыслы (называемые ими «обозначениями»), принимаем произвольно (καὶ τῶν μὲν ἐννοημάτων μετέχειν ἡμᾶς, τῶν δὲ πτώσεων, ἃς δὴ προσηγορίας καλοῦσι, τυγχάνειν)².

Аэтий, I, 10, 5 = SVF, II, 360. Ученики Зенона именовали наши мысленные конструкции «идеями».

Диоген Лаэртий, VII, 61. Мысленный конструкт есть греза мысли, это не сущее и не качество, но «словно бы» нечто сущее и «словно бы» качество, нечто, похожее на видение лошади, которой в реальности нет (ὥσάνει δὲ τὴν ὄν καὶ ὥσάνει τοῖον, οἷον γίνεταί ἀνατύωμα ἴπλου καὶ μὴ παρόντος).

¹ См. также SVF, II, 54.

² Перевод по смыслу. Примечание Арнима (ad loc. SVF, I, р. 19): «последней фразы не понимаю». Эта фраза постоянно становилась камнем преткновения, по сей день нет единого, принятого всеми варианта ее перевода (см. специальный экскурс о фрагменте — A. Graeser. Zenon... S. 69–78). Вот лишь несколько версий перевода:

) E. Zeller. Die Philosophie der Griechen III I⁵, S. 80–81: Die Gedanken seien in uns, die Bezeichnungen gehen auf die Dinge.

2) A. Graeser. Zenon... S. 76–77: An den Gedanken (d.h. den psychologischen Entsprechungen zu den Wortbedeutungen — den Vorstellungen, die wir mit dem Sinn eines Terminus verbinden) hat unser Denken Anteil, die Wortbedeutungen gehören zu den Apellativa.

3) Hülsler. Und dass wir wohl an den Gedankenbildern teilhaben, dass aber die Gegenstände, die man mit Apellativen bezeichnet, Kasus erlangen.

4) A. Long — D. Sedley. The Hellenistic Philosophers. Vol. 1, Cambridge, 1988, p. 179: And what we «participate in» is the concepts, while what we «bear» is those cases which we call «apellatives».

В целом, смысл высказывания сводится к следующему. Как и Антисфеном с его исключительным номинализмом (всем известное «О Платон! Лошадь я вижу, а лошадности не вижу» — Симпликий. Комментарий к «Категориям» Аристотеля, 208, 30–31; 211, 17f. Kalbfl.) стоики были уверены: несмотря на то, что отвлеченные мысленные конструкты, не считая очевидных вымыслов наподобие химер и кентавров, есть объективно спровоцированная предметность сознания, для них нельзя указать реальный конкретный денотат, а значит, у них нет вещественной причины для возникновения. Имеется в виду то, что попросту нельзя указать вещественный коррелят смысла, выражаемого словосочетанием «лошадь вообще». В качестве предиката индивидуальной вещи у общего понятия нет самостоятельного, субстанциального существования. Правда, данный смысл может существовать в сознании как получаемое индуктивным путем «общее представление» (ἐννοια), или «обозначение», выражающее общее качество (προσηγορία) (школьное определение — Диоген Лаэртий, VII, 58), другими словами, в качестве логического субъекта высказывания (πῶσις), значимого исключительно как средство для проведения отвлеченных логических процессов. Подобный субъект (и соответствующее ему «обозначение»), имеющий только отвлеченное «общее» значение, можно отнести к различным и абсолютно не связанным друг с другом денотатам, что эквивалентно отсутствию конкретного денотата (например, «Сократ» или «собака» как отвлеченные обозначения — Секст Эмпирик. Против ученых, VIII, 84; XI, 29). Таким образом, можно сделать вывод, что содержание чистых смыслов («лектон») не должно пересекать границы возможного опыта (как чувственного, так и интеллектуального, ср. фр. 494). Однако стоики, судя по логическим текстам (распределенным, в основном, под именем Хрисиппа), не могли полностью избавиться от влияния парадигм Платона и перипатетиков, благодаря чему их взгляды не совпадали с крайностями номинализма киников и являлась чем-то средним между крайним номинализмом и концептуализмом.

Если говорить о последней фразе, надо напомнить, что Стобей, не только разделяет стоиков академической терминологией (Симпликий. Комм. к «Категориям», 209, 11–14: ἐκάλουν δὲ τὴν ποιότητα καὶ ἔξιν οἱ ἀπὸ Στοῦς, οἱ δὲ ἀπὸ τῆς Ἀκαδημίας ἀπὸ τοῦ ἔχεσθαι τὰς ἐξεις ἐκτὰ ἐκάλουν, ὥσπερ τὰ ἐννοήματα μεθεκτικὰ ἀπὸ τοῦ μετέχεσθαι καὶ τὰς πῶσεις τεκνὰς ἀπὸ τοῦ τυγχάνεσθαι), но и считает, что они отождествляли термины πῶσις и προσηγορία, однако в системе стоиков первое слово характеризуется логико-семантической окраской (в плане чистых смыслов — «лектон»), а второе — фонетико-грамматической (см. Плутарх. Платоновские вопросы, 1009c).

66. Цицерон. Первая Академика, 144. Если верить Зенону, вы ничего не знаете. «Разве такое возможно? — спросишь ты. — Мы же утверждаем, что и немудрый воспринимает немало». — Однако вы настаиваете, что лишь мудрец что-то знает. Подобное утверждение Зенон раскрывал с помощью жеста. Демонстрируя открытую ладонь с растопыренными пальцами, он пояснял: «Это впечатление». Затем, чуть согнув пальцы, говорил: «А это согласие»; после чего, стиснув пальцы в кулак, завершал: «А вот это уже постижение» [«схватывание»]. Опираясь на данное подобие, он и создал для этой вещи название, которого раньше не существовало — *κατάληψις*. В итоге Зенон крепко сжимал уже левой рукой стиснутый кулак правой, объясняя, что знание — это нечто такое, чем владеет лишь мудрец и никто более¹.

¹ Ср. фрз. 59–60; 75.

67. Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 151. Мнение — это шаткое и ошибочное согласие.

68. Цицерон. Вторая Академика, 41 [=] 60. Когда нечто воспринято так, что данное представление невозможно уже поколебать разумом, он именовал это знанием, если же это не так — незнанием.

Стобей. Эклоги, II, 7, 5, р. 73, 19W. Знание — это надежное постижение, неколебимое разумом (*ἀμετάλλωτος ὑπὸ λόγου*)¹.

Там же, II, 7, 11, р. 111, 20. Незнание — неустойчивое и ослабленное согласие.

Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 151. Знание — это прочное и надежное постижение, не колебимое разумом (*ἀμετάθετον ὑπὸ λόγου*).

Диоген Лаэртий, VII, 47. Они утверждают, что знание есть надежное постижение либо такое состояние (*ἔξις*)² в принятии представлений, которое разуму не поколебать.

¹ Ср. фрз. 411, прим. 2.

² Технический термин, характеризующий всякую структуру как некое состояние пнеумы; см. фрг. 99.

69. Цицерон. Вторая Академика, 42 [=] 60. Однако «схватывание»... он ставил между знанием и незнанием, не определяя его ни в ряд добродетельных вещей, ни в ряд порочных.

Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 151 [=] SVF, II, 90. Стоики признавали три взаимосвязанные вещи: знание, мнение и стоящее между ними постижение. Ср. VII, 153.

70. [Герон Александрийский] Определения, 137, 4 (IV, р. 156/158, Heiberg) = 68 Диоген Лаэртий, VII, 47.

71. Диоген Лаэртий, VII, 23. Зенон утверждал, что при овладении знаниями вреднее мнения не может быть ничего.

72. Схолии к Дионисию Фракийскому, р. 118, 15 Nilgard. По уверению Зенона, «умение [искусство, наука] есть настрой, указывающий направление (ἐξίς ὀβολοῦτικῆ)», производящий нечто, с помощью определенного пути и способа (δι' ὀβου καὶ μεθ'ὀβου)¹.

¹ Олимпиодор присваивает Клеанфу довольно схожее определение (Комментарий к «Горгию», 12, 1, р. 69, 26 Westerink, ср. Квинтилиан. Наставление оратору, II, 17, 41). «Умение», другими словами «искусство» (τέχνη = ars), — частная, как правило, практически ориентированная разновидность знания (см. фрг. 73); примерно в том же ключе определял искусство и Аристотель (Метафизика, I, 1, 981a 1 сл.; Никомахова этика, VI, 4, 1140a 1 сл.).

73. Олимпиодор. Комментарий к «Горгию» Платона (12, 1, р. 70, 7 Westerink). По утверждению Зенона, умение [наука, искусство] представляет собой упорядоченную совокупность постижений (σὺστημα ἐκ καταλήψεων), сообразованных с определенной благотворной для жизни целью.

То же определение: Лукиан. Парасит, 4; Секст Эмпирик. Против ученых, 175; II, 10; VII, 109, 182, 373; Пирроновы

положения, II, 188, 241, 251; Квинтилиан. Наставление оратору, II, 17, 41; Цицерон. О пределах добра и зла, III, 18; О природе богов, II, 148; Первая Академика, 22; SVF, II, 94.

Ср. SVF, II, 93–97.

2.2. Риторика

74. Диоген Лаэртский, VII, 55. Звук [голос] есть сотрясаемый воздух¹.

Евстафий. Комментарий к «Илиаде» (XVIII, 506), vol. IV, p. 237 van der Valk. Здесь Гомер, упоминая громкогласных вестников, будто предугадал то, как Зенон определит звук: звук [голос] есть сотрясаемый воздух.

¹ Наука о звуке, или обозначающем (фонетика, грамматика и в некоторой степени поэтика), у стоиков причислялась к диалектике, а не к риторике (Диоген Лаэртский, VII, 43–44; 55).

75. Секст Эмпирик. Против ученых, II, 7. По этой причине Зенон Китийский в ответ на вопрос, чем отличается диалектика от риторики, стиснул кулак, а затем разжал и сказал: «Вот чем!» Стиснутый кулак обозначал округленность и лаконичность диалектики, а ладонь с растопыренными пальцами показывала размах и свободу [нестрогость] риторической способности.

Цицерон. О пределах добра и зла, II, 17. Мнение Зенона таково. Сфера использования слова, как и у Аристотеля, поделена на две части: риторика похожа на раскрытую ладонь, диалектика же подобна стиснутому кулаку. Другими словами, риторы более многословны в описании тех предметов, которые диалектики объясняют кратко.

Цицерон. Оратор, 32, 113. Знаменитый Зенон, создавший учение стоиков, как правило, показывал разницу между двумя

науками (artes), используя ладонь. Собрал пальцы в кулак, он пояснял: это диалектика, раскрыв ладонь и раздвинув пальцы, говорил, что так выглядит красноречие.

Квинтилиан. Наставление оратору, II, 20, 7. Существует два вида речевого выражения: развернутый, называемый риторикой, и краткий, носящий имя диалектики. Зенон уподоблял первый сжатому кулаку, второй — раскрытой ладони¹.

¹ В стоической школе различие риторики и диалектики (здесь — формальной логики) заключалось в том, что красноречие опирается на неканонично сформулированные силлогизмы для передачи тех же самых смыслов. Пользуясь тем же примером, Зенон показывал, как понимает постижение (фрг. 66, ср. 60).

76. Цицерон. О пределах добра и зла, IV, 7 [=] SVF, II, 288. Данный вид речи [риторику] Зенон и его последователи не сумели применить либо не захотели и просто не уделяли ему внимания.

77. Цицерон. Письма к близким, IX, 22, 1–2. Простоту или даже свободу в речах люблю более всего. Те же взгляды на этот вопрос были и у Зенона, человека, бесспорно, острого ума, несмотря на то, что наша Академия с ним в глубоком несогласии. Стоики утверждают, что всякую вещь должно называть своим именем. Их мнение таково: в сказанном нет ничего непристойного или позорного. Поскольку если непристойность и содержит некий грех, то он или в вещи, или в слове, другого не дано. В вещи этого нет. Не зря о самой вещи упоминают не только комедии... но даже и трагедии... Словом, ты заметил, что предмет один и тот же, однако ничего непристойного здесь нет, ибо слова не одни и те же. Получается, что непристойное не в вещи и тем более не в словах. Так раз то, что названо словом, не позорно, то уж слово, которое именуется эту вещь, и вовсе не может быть позорным... Значит, постыдное не в слове, а что оно отсутствует в вещи, я уже показал. Следовательно, позорного ни в чем нет.

Цицерон. Об обязанностях, I, 128. Действительно, ни к чему внимать киникам и тем стойкам, что почти не отличаются от киников: те и другие порицают нас и потешаются над нами за то, что мы называем постыдными словами вещи непостыдные, а постыдные вещи обозначаем их собственными именами. Грабеж, ложь, блуд — дела позорные, однако именуется вполне пристойно. Заботиться о продолжении рода — дело нравственно-высокое, а именуется непристойно. Те же философы обсуждают в связи с этим вопросом и немало других, далеких от стыдливости.

78. Плутарх. О противоречиях у стоиков, 8, 1034е. Тому, кто утверждает:

Скоро о том не суди, в чем мнения обоих не выznaли, —

Зенон не соглашался, опираясь на следующее рассуждение. Либо первый использовал полновесные доказательства — тогда выслушивать второго, раз искомое обнаружено. Либо же он их не использовал (не пришел на суд, или речи его были невнятные²). Следовательно, он или обосновал собственную правоту, или нет. И в том, и в другом случае ни к чему слушать второго.

¹ Дословно: «Никогда не выноси решения, не заслушав обе стороны». Автор выражения не установлен: его приписывали то Фокилиду (Псевдо-Фокилид, 87, Young), то Гесиоду (Цицерон. Письма к Аттику, VII, 18, 4).

² Дословно: «верещал по-птичьи» (по-видимому, кивок в сторону Диогена Синопского — Диоген Лаэртий, VI, 27).

79. Квинтилиан. Наставление оратору, IV, 2, 117. Зенон говорил, что слова должны не только выражаться, но и быть отмечены чувствами.

80. Плутарх. Фокион, 5 [=] 304. Зенон утверждал, что философ может рассуждать, лишь после того как наполнит слово умом.

81. Диоген Лаэртий, VII, 18. Разукрашенные и не имеющие погрешностей речи Зенон уподоблял александрийским серебряным: те и с виду прекрасны, и чеканка у них, как у настоящих монет, однако стоимость их от этого не возрастает. Речи же обратного свойства похожи на аттические тетрадрахмы: рублены

безыскусно и не всегда точно, однако ценятся нередко дороже умело отделанных.

82. [Зонара] Лексикон, под словом *σολοκίζειν*, col. 1662. Солецизм — простонародная невоспитанность не только в речи или слове, но и во внешнем виде, когда, как утверждает Зенон, кто-либо небрежно одевается, неопрятно трапезничает либо неуклюже двигается.

То же: Кирилл. Лексикон (Cramer. Anecd. Paris. IV, p. 190).

83–84. Анонимный трактат «Риторическое искусство» (Spengel. Rhet. gr. I, 434, 23). Определение Зенона: рассуждение (*διήγησις*) есть объяснение предмета с позиции того, кто высказывается; пример (*παράδειγμα*) есть обращение к тому, что произошло ранее и схоже с тем, о чем идет речь в данный момент.

3. Физика

3.1. Начала и элементы. Телесное и бестелесное. Причинность

85. Диоген Лаэртский, VII, 134 [=] 493; SVF, II, 300; SVF, III, Архедем, фр. 12. По их мнению, существует два начала (*ἀρχαί*) мироздания¹ — то, которое действует, и то, что испытывает воздействие (*τὸ ποιοῦν καὶ τὸ πάσχον*). Второе — это бескачественная сущность (*ἀτοιοῦς οὐσία*), или вещество (*ὕλη*). Первое же есть присутствующий в ней логос, или бог; он вечен и создает все, что в ней существует. Данные взгляды² Зенон Китийский представил в трактате «О сущности»...

[Ср.: Диоген Лаэртий, VII, 134 = SVF, II, 299 (Посидоний, фрз. 3 Edelstein-Kidd). Отличие начал (ἀρχαί) от элементов (στοιχεῖα) заключается в следующем: первые не рождаются и не погибают, вторые же гибнут при воспламенении. Более того, у начал нет формы и они бестелесны (ἀσώματους εἶναι τὰς ἀρχὰς καὶ ἀμόρφους), элементы, в отличие от них, наделены формой³.]

Аэтий, I, 3, 25 (DDG, p. 289). Зенон Китийский утверждал, что бог и вещество — это начала, бог является источником действия, вещество же испытывает воздействие; а элементов Зенон признавал четыре.

Ахилл. Введение к Арату, 3, 124е. Зенон, сын Мнасея из Кития, считает, что начала мироздания — это бог и вещество, причем первый — начало действующее, а второе — то, что подвергается воздействию (τὸ ποιοῦμενον). Эти два начала порождают четыре элемента.

Ср. Филон Александрийский. О промысле, 122; Феодорит Кирский. Врачевание эллинских недугов, IV, 12.

¹ Τὸ δλον, термин технический, так называли космос, желая обозначить его как целостную структуру со всем ее содержимым.

² Ср. Платон. Теэтет, 156а; Софист, 247de; однако уверенно относить данную формулировку к указанным трудам Платона было бы, пожалуй, слишком смело.

³ Данный текст, имеющий довольно большое значение, Арним приписывает Хрисиппу (SVF, II, 299). Существуют две версии прочтения: «начала бестелесны» и «начала являются телами» (так в большинстве надежных рукописей), исходя из смыслового содержания, первую версию стоит признать более достоверной, ее отмечает и сам Арним, более того, она косвенно подтверждается параллелью ἀσώματους... καὶ ἀμόρφους. Соответственно, имеется в виду, что в космосе стоики не допускают изолированное физическое существование двух начал. По их мнению, они существуют в виде объединения бога-логоса и протосубстрата, разделить которые возможно лишь в понятийном смысле; на этом всячески делал акцент Посидоний (фрз. 92, Edelstein-Kidd). Обосновывал свою точку зрения он так: 1) «бескачественная сущность», или «бескачественное вещество», всегда существует в действительности, имея некую форму и качество; 2) значит, «бескачественное вещество» и реально сущий субстрат (иначе говоря, смесь пассивного протосубстрата с придающим форму активным началом) возможно отделить друг от друга исключительно «мысленно» (ἐπινοῖα μόνον); 3) следовательно, активный принцип и протосубстрат также возможно различать только «мысленно» (ср. SVF, II, 307–308: первопричина мироздания «неотделима

от вещества» — ἀχώριστον δὲ [ὑφεστάναι] τῆς ὕλης; ср. так же: SVF, II, 309; ниже, фр. 87). Соответственно, «бескачественность» в космологии стоиков является не чем иным, как способностью (всегда актуальной!) существовать в беспредельно многообразном и оформленном благодаря активному началу виде (ср. тексты Халкидия, фр. 87–88).

В некоторой степени, правда, не напрямую, взгляды Посидония подтверждает Гален (SVF, II, 409 = Гален. Комментарий к трактату Гипократа «О природе человека», I, vol. XV, p. 30 K.): «Древние смешивали то и другое, так и не разглядев значимых различий между началом и элементом, ибо полагали, что термин «элемент» подходит и для того, чтобы называть начала. Однако эти предметы имеют явное различие: один [элементы] является мельчайшей частью целого, другой [начала] — то, на что мысленно можно разбить подобную мельчайшую часть (εἰς δὲ διέλη τῆς κατ' ἐλίνοισιν αὐτὸ τοῦτο τὸ ἐλάχιστον)». См. ниже, фр. 103.

Сложно определить, в какой мере позиция Посидония соответствовала догме ранних стоиков. Может быть, исходное суждение Зенона (возможно, и Хрисиппа) больше соответствовало «реальности» (подобно досократикам), а Посидоний первым решился доработать неточные формулировки. За «реалистическую» формулировку (о телесности начал) отдавали свои голоса многие видные исследователи, например, Целлер, Шмекель и Поленц; до сих пор у нее есть свои последователи (A. Long, D. Sedley. *The Hellenistic Philosophers*. Vol. 1, Cambridge, 1988, p. 274). Однако весьма вероятно, что «начала бестелесны» аутентично читалось ранними стоическими, воспринимаясь как норма, в дальнейшем формулировка могла быть искажена рукописной традицией во имя псевдосоответствия «духу» стоического учения. С подобным выводом, так или иначе, согласны Арним, Грээр, Форшнер, Эдельштайн и Кидд, Дюю, Христенсен и др., считая, что «начала» в стоическом учении — исключительно функциональное понятие, не имеющее соответствия ни с каким реальным денотатом и, соответственно, бестелесное в таком качестве. Настоящие физические различия появляются лишь на уровне элементов. Такой взгляд предполагает, что «начала» номиналистичны — они понимаются в качестве принципов (в первую очередь, мыслительных) организации сущего, а не в качестве субстанции. Противоположный подход привел бы космологию стоиков к непреодолимому дуализму, близкому к платоновскому. При этом следует признать, что дуализм форм и субстрата в «снятом» виде безусловно характерен для онтологии стоиков, где его так до конца и не сумели преодолеть.

86. Халкидий. Комментарий к «Тимею» Платона, 290 [=] SVF, II, 316. Немало есть тех, к примеру Зенон и Хрисипп, кто отличает вещество (*silva*) от сущности (*essentia*). Они считают, что вещество является основой всего обладающего качествами; сущность же, по их мнению, есть первовещество (*primasilva*), или древнейшая основа (*fundamentum*)¹ всех вещей, изначально не наделенная ни обликом, ни формой². Скажем, золото, медь, железо и прочее в том же духе есть вещество тех предметов, которые

из данных металлов сделаны, но не их сущность. Лишь то, что является причиной существования как этих, так и прочих предметов, можно считать субстанцией (substantia).

¹ = ὑλοκεῖμενον, субстрат, первая позиция в сетке стоических «категорий» (SVF, II, 369 сл.).

² Вероятно, на концепцию протовещества у стоиков определенным образом повлияли формулировки Аристотеля (Метафизика, VII, 3, 1029a 20 сл.). Халкидий применяет для бескачественной сущности два термина — essentia и substantia.

87. Стобей. Эклоги, I, 11, 5а, р. 132, 26W. (Арий Дидим. Физич., фрз. 20 Diels). Позиция Зенона такова. Сущность является первовеществом (πρώτη ὕλη) всего существующего; как целое она вечна, не увеличивается и не уменьшается. А ее составляющим не свойственна неизменность: они разделяются и соединяются. Именно по сущности распространяется мировой логос (τοῦ παντός¹ λόγος), называемый некоторыми судьбой (εἰσαρμὲνη), этот процесс похож на то, как семя распространяется в детородном органе.

Епифаний. Против ересей, 15 (DDG, р. 588). К этому склоняется и Зенон, заявляя, наравне с другими учениями, что вещество совечно (σὺγχρονον) богу; а судьба есть порождение, которое обеспечивает всему управление и воздействие.

Диоген Лаэртий, VII, 150 [=] SVF, II, 316. Сущность, как они утверждают, является первовеществом всего существующего (τὸν ὄντων ἀπάντων... πρώτη ὕλη)... По словам... Зенона {...} [Понятия] «сущность» и «вещество» применительны не только ко всему в целом, но и к отдельным частям. Сущность, или вещество всего, не возрастает и не уменьшается, зато в частях становится и больше, и меньше.

[Ср. Халкидий. Комментарий к «Тимею», 294: Стоики утверждают, что бог — это то же самое, что и вещество, или, скорее, бог — неотъемлемое качество вещества, по которому он распространяется как семя по детородному органу.]

¹ Τὸ πᾶν, «целое» — технический термин, принятый у стоиков для обозначения космоса как целостного мироздания (τὸ ὅλον) в сочетании с окружающей пустотой.

88. Халкидий. Комментарий к «Тимею» Платона, 292.

После чего Зенон утверждает, что сущность конечна (finita) и представляет общую единую субстанцию всего существующего; более того, сущность способна разделяться на части и подвержена постоянным изменениям. Другими словами, ее части беспрестанно подвергаются переменам, однако они не могут исчезнуть, стать ничем. У вещества, составляющего основу всех вещей, отсутствуют собственный облик, форма, какое-то конкретное собственное качество, как отсутствуют они, например, у вещества, из которого изготовлены всевозможные восковые фигуры. Скорее, наоборот, оно беспрестанно и прочно сливается с каким-либо новым свойством. А раз это вещество не может ни родиться, ни погибнуть (поскольку не появляется из несуществующего и не обращается в ничто), в нем изначально есть пневма¹ и жизненная сила, осмысленно управляющие им — порой всем полностью, порой — лишь отдельными частями. В этом и кроется причина всех бесконечных и значительных изменений, происходящих в мире. Затем, продолжает он, данная движущая пневма является не природой, а душой², душой разумной; она дарит чувственному миру ту самую прелесть, что можно наблюдать в нем. Кроме того, данный мир они именуют живым существом и богом.

¹ Spiritus= πνεῦμα.

² Здесь Халкидий был не точен: пневма и есть природа (SVF, II, 1133).

89. Стобей. Эклоги, I, 13, 1, р. 138, 14W. По словам Зенона, причина (αἴτιον) — это то, из-за чего [что-либо происходит] (τὸ δι' ὃ), в свою очередь, то, причиной чего она стала, он называет результатом (συμβεβηκός)¹. Причина есть тело, а то, причиной чему она стала, есть предикат (κατηγόρημα). Не может быть, чтобы при наличии причины отсутствовало то, причиной чего она стала. Следовательно, причина является тем, благодаря чему по-